

Вячеслав Лютов

---

*История
Кыштыма*

Вячеслав Лютов
История Кыштыма

«Издательские решения»

Лютов В.

История Кыштыма / В. Лютов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980491-4

Кыштым — один из старейших городов Южного Урала. Здесь пересекаются несколько исторических эпох: от демидовских заводов и становления уральской металлургии до нашей современности. Это перекресток творения рук человеческих и удивительной по красоте первозданной природы, многогранная история людей и событий. Новая книга — наиболее полный на сегодня свод фактографического материала по истории этого удивительного города.

ISBN 978-5-44-980491-4

© Лютов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Магия места	7
Начальные времена	20
Новые владельцы	27
Кыштымский крест	35
Становление горного округа	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

История Кыштыма

Вячеслав Лютов

© Вячеслав Лютов, 2020

ISBN 978-5-4498-0491-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Все возвращается» – и наш мир похож на «песочные часы бытия, которые переворачиваются все снова и снова», как говорил Ф. Ницше. Удивительно, но и путешествие в Кыштым, в край наплывающих друг на друга голубых горных хребтов, где солнце скользит по зеленому морю тайги и, сверкая, отражается в зеркалах многочисленных озер, из этого ряда возвращений.

Больше века назад, в 1912 году, Кыштым был включен в один из десяти дальних туристических маршрутов Российского общества туристов. Маршрут «М-4. Урал» представлял собой 28-дневное путешествие из Москвы через Нижний Новгород к Уфе и Златоусту; затем вдоль берегов уральских жемчужин: озер Тургояк и Увильды – в Кыштым; а потом через Екатеринбург и Пермь – обратно в Москву. Путешествие, длиною в месяц! И дореволюционный турист не сидел на месте, а с удовольствием разглядывал кыштымские достопримечательности и красоты.

Правда, по возвращении писал в путеводителях не без критики: «Мы, русские, имея у себя на родине столько восхитительных местностей, едем вояжировать куда-нибудь за границу, куда-нибудь в Швейцарию и прочее... Урал же, столь богатый своими горными ландшафтами, столь разнообразными горными картинами, изрезанный множеством горных речек с живописнейшими берегами, до сих пор очень редко посещается отечественными туристами, и иностранцы гораздо больше интересуются им, чем мы русские. Многие ли, не только из русских, но даже из нас, уральцев, знают свой Урал, многие ли интересуются его развитием и процветанием; многим ли знакомы разнообразные богатства края и его пути-дороги?..»

Таков был зачин к книге «Прогулки по Кыштыму», которая увидела свет в 2017 году в большой книжной серии «Национальное достояние России». Под нее и собирался этот многоплановый и сложный исторический материал. Я искренне признателен за помощь в работе сотрудникам Кыштымского историко-революционного музея Елене Кузнецовой и Розалии Галябиевой, а также Татьяне Корецкой, Олегу Вепреву, Гаязу Самигулову, Вячеславу Свистуну и многим другим, чьи материалы и публикации стали основой для книги.

Но исторические прогулки по Кыштыму, сопровождаемые прекрасными иллюстрациями кыштымских художников и фотографов, имели ограничение именно на слово, на «количество букв». На проработку массивного документального и книжного материала, его новое прочтение, осмысление у меня ушло больше года. Самой сложной задачей «Прогулок по Кыштыму» стала необходимость сократить изначальный текст почти в три раза, оставив за кадром многие сюжеты и детали, цитаты-впечатления других и свои личные оценки. В грусти тех сокращений впервые и заронилась мысль оставить до лучших времен полную «Историю Кыштыма» в своей авторской версии.

Прошло три года. К прежним большим полновесным записям заставила вернуться удивительная тема. Я открыл для себя, что в Кыштыме родился в 1875 году и провел первые детские пять лет жизни Антон Владимирович Карташёв – автор знаменитых «Вселенских соборов» и «Очерков по истории Русской Церкви», последний обер-прокурор Синода и основатель Богословского института в Париже. Поиск «кыштымских корней» привел в движение тектонику отложенного в сторону текста – я решил возродить его, дерзнул назвать «Историей Кыштыма» и предоставить читателю наиболее полный на сегодняшний день свод фактографического материала по истории этого удивительного города.

Январь, 2020 год

Магия места

Геральдика: История любви. С вершины Сугомака. От Увильдов до Иртяша. Сугомакские волны. Марьины слезы и мраморные своды. Металлургия в архетипе. Археология под ногами. Перекресток дорог. Башкирские волости. Топоним места: «Тихое зимовье».

Геральдика: История любви

В 1960-х годах, на волне новой советской геральдики, начиналось символическое осмысление городской истории. На первом гербовом щите Кыштыма важно было подчеркнуть особенность места и связать ее с производством: металлургическим и машиностроительным. В итоге в 1967 году на синем лазоревом фоне появились две горы: Сугомак и Егоза, а над ними – олень, «Серебряное копытце», от которого стремятся ввысь солнечные лучи. Сказочный олень был вписан в форму анода, а под его копытцем – машиностроительная шестеренка...

Время шло – герб менялся. В 1995 году был объявлен конкурс на лучший проект герба. Ближе всех к требованиям геральдики оказался эскиз Ольги Илларионовны Сониной. На фоне Сугомака и Егозы появился знаменитый Белый дом – усадьба Демидовых в Кыштыме. А под нею – под серебристой кромкой волны – рыбка, плывущая над старославянской вязью в названии города. Однако работа по официальному утверждению герба не была завершена, и до 2001 года гербом оставался самый узнаваемый вариант 1967 года.

Новый герб, утвержденный в 2002 году Геральдическим Советом при Президенте Российской Федерации, – это проработанный геральдистами вариант Сониной. Он изменится еще один раз: исчезнут буквы и рыбка, герб станет лаконичнее. Но над озерной волной по-прежнему будет стоять демидовская усадьба, а за ней – все те же две неразлучные горы: Сугомак и Егоза.

Именно: неразлучные... Вечный сюжет о любви, когда-то воплощенный Шекспиром в образах Ромео и Джульетты, кочевал по всем временам и по всем народам. Он найдет свое место и в башкирских легендах.

В стародавние времена, когда на уральском раздолье башкиры мирно пасли большие табуны лошадей и овец, один молодой башкир приревновал свою красавицу жену к башкиру из соседнего рода и в пылу ревности убил его. С этого момента мирная и счастливая жизнь закончилась. Люди стали враждовать, бояться друг друга и с тоской вспоминали жизнь в прошлом.

Но случилось так, что молодой, ловкий и сильный батыр по имени Сугомак встретил в степи стройную красавицу Егозу из враждебного соседнего рода. Молодые люди полюбили друг друга. Но главы обоих родов и все родственники и слушать не хотели о соединении двух влюбленных. Они продолжали тайно встречаться, пока Сугомака не приковали цепью к тяжелой колоде, а Егозу не увезли в горы и не спрятали там. Но сила любви была настолько велика, что Сугомак разорвал свои цепи, нашел в горах Егозу, и они стали жить вместе вдали от всех. Однако это только еще больше разожгло ссору между родами.

Сугомак и Егоза глубоко переживали то, что их любовь принесла столько бедствий их родам, но не в силах были расстаться. Тогда они обратились к своим богам и сказали им, что

готовы пожертвовать собой, но за это боги должны принести башкирам мир и счастье, а их соединить навечно. Боги услышали их – среди башкир снова воцарился мир, и наступила спокойная, счастливая жизнь. Но взамен боги превратили Сугомака и Егозу в две стоящие рядом горы. С тех пор они вечно неразлучны и оплакивают свою любовь, а их слезы наполняют глубокое озеро, которое благодарные люди назвали Сугомаком...

С вершины Сугомака

Сегодня, как и век назад, быть в Кыштыме и не подняться на вершину Сугомака считалось бы большой ошибкой. В начале XX века журналист и краевед Виктор Александрович Весновский, автор знаменитого «Путеводителя по Уралу», буквально влюбился в эту вершину, считая ее одной из самых красивых и доступных на Урале, восхождение на которую «нисколько не затруднительно даже для непривычных лиц».

«С вершины горы развертывается перед взорами туриста чудная и грандиозная панорама. Горизонт открыт на 60—70 верст. На запад, насколько хватает глаз, тянутся горы. При замечательной прозрачности горного воздуха ясно видны вершины Таганая и Уреньги. Ближе обрисовывается красавица Юрма. Точно разбушевавшееся безбрежное море окаменело вдруг по мановению какого-то волшебника. Здесь нет тех резких контуров, которые свойственны, например, Кавказу и которые придают ему такой дикий, грозный вид; нет бушующих его потоков, пробивающих путь в глубоких ущельях гор, но Урал поражает своей спокойною мощью. Это убеленный сединами старец, проживший многие геологические века...»

Действительно, как пишет исследователь Ю. Б. Заславский, здесь можно найти породы почти всех геологических возрастов. Но наиболее отчетлива геология каменноугольного периода или карбона (400 млн. лет назад), когда из недр молодой Земли вырывались потоки раскаленной магмы, воздух был раскален от дыхания вулканов, а вода кипела от подводных извержений. Вулканическая магма и составит основу будущих протянувшихся с юга на север Вишневых (396 м) и Потанинских (480 м) гор, Сугомака (580 м) и Егозы (607 м).

Кстати, название Сугомак словно подчеркивает связующую роль горы между Вишневым и Потанинским хребтами. Как предполагает исследователь Б. Идрисов, башкирское слово «амак», обозначающее грудь коня или лошади, в этом топониме можно перевести как «грудь гор», «кисть хребтов» или «гора, где сходятся хребты».

Древние геологические процессы определяют и природное богатство здешних мест: граниты и магнетиты будут порезаны рудными жилами, массами медного и железного колчеданов. А по своему минералогическому разнообразию, количеству выходов и находок минералов Потанинские и Вишневые горы немногим уступают знаменитым Ильменским горам. Змеевики и кальциты, корунд и кварц, золото и пирит, вермикулит и молибден, тальк и турмалин – список руд и минералов вокруг Кыштыма превышает сотню названий.

С вершины Сугомака наглядно видно и то, что ученые называют границей уральского пенеплена – места, где горы сходят в равнину: выветриваясь, выравниваясь, вымываясь. «Вид на восток – полная противоположность тому, что видно на западе, – пишет В. А. Весновский. – Здесь нет ни одной горы, ни одного значительного холмика, зато масса озер, начиная с небольших и кончая целыми морями, как Увильды. Глядя с горы трудно сказать – чего здесь больше – земли или воды...»

«Близ Кыштымского завода возвышается гора Сугомак, и если мы поднимемся на ее каменистую вершину в ясный день, то не будем сожалеть, – читаем в книге „Живописная Россия. Приуральский край“ 1900 года. – Роскошный вид открывается с нее: на западе обозначается змейкой водораздел, утопающий в зелени; на восток, север и юг – холмы и озера, так что кажется даже, что вода занимает здесь более места, нежели земля, ибо всюду на десятки верст виднеются озера и озера, отделенные друг от друга перешейками. На востоке Урал круто

обрывается, и у подножия его опять расстилаются озера, а за ними виднеются черноземная равнина и опять озера без числа. Эта часть Урала, занимающая несколько тысяч квадратных верст, почти на треть занята озерами, из которых многие достигают весьма значительной величины: Иртяж, например, тянется почти на двадцать верст и занимает площадь более двухсот квадратных верст. Озера эти принимают в себя все горные речки и ручьи, берущие начало из многочисленных нагорных ключей, и, в свою очередь, почти все соединены между собой неестественными, частью искусственными притоками. Большинство из них имеет, кроме того, значительную глубину и изобилует рыбами».

Природа щедро одарила кыштымские земли. «Отсюда к югу начинается та часть Урала, которая именуется „Русскою Швейцариею“, а Соймоновская долина почитается одною из самых здоровых местностей на Урале, – указывали дореволюционные путеводители. – Горному ландшафту Кыштыма особенную прелесть и жизнь дают многочисленные озера, начинающая небольшими, как Сугомак, и кончая настоящими морями, как Увильды, имеющие свыше 60 верст в окружности».

В окрестностях Кыштыма насчитывается около семидесяти озер и маленьких озерков. Самые значительные и красивые из них своим происхождением обязаны тектонике и представляют собой древние геологические разломы, котловины, наполненные водой. Тектонические процессы внесли свои живописные штрихи в озерные портреты – например, в виде сложных изрезанных очертаний берегов, каменных останцев и скалистых островов, как на Увильдах. К востоку озера мелеют, их берега становятся плоскими и пологими, а своим происхождением они обязаны процессам эрозии почв.

Об озерных богатствах горного округа и их целебных свойствах было написано не раз. Например, в 1902 году в екатеринбургском издании «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» так описывались местные красоты: «В окрестностях Кыштымского завода лежат значительные по объему озера с чистою, прозрачною водою: Увильды, Иртяш, Акуля, Акакуль, Амбаш, Кызылташ, Сугомак и другие. Местность очень живописная и в гигиеническом отношении вполне здоровая... Вид на эту огромную водную площадь поистине очаровательный...»

От Увильдов до Иртяша

У каждого озера – свой характер. Самое известное – Увильды, которое с давних времен привлекало к себе путешественников красотой и прозрачностью водной глади, живописными скальными островами и прибрежными сосновыми лесами. Между тем, в 1892 году во время своего путешествия по Уралу писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк назвал Увильды «Мертвым озером» – автора «Приваловских миллионов» смутил перевод названия. «В печатных источниках XVIII столетия встречается двойное название этого водоема: в русском произношении – «Увильды», а по-башкирски – «Уеделкул»... Но есть и другое объяснение... в связи со словом «ульдым», которое произвольно переводится с древнего башкирского на русский язык, как приблизительное слово «умер», «скончался». Именно так объяснял топоним краевед Борис Михайлович Мещеряков в книге «Кыштым. Исторический очерк».

Есть еще одна интересная версия, связанная с разговорной речью кыштымцев. Неоднократно приходилось слышать, что «у Вильдов хорошая охота на сохатых», что «встречал рысь у Вильдов». Вот так, неожиданно, высветилось новое название озера – «Вильды!»

Топонимист В. В. Поздеев встретил в источниках XVII века различные варианты названия: Увельды, Уелды, Увелди; Уфельды – самое старое и отражает северорусский вариант Увельды. Он, основываясь на предположениях тюркских топонимистов, предполагает, что основа «вел» означает «великая вода; великий путь», а речные долины в древности служили дорогами. С этой топоосновой связано и чувашское диалектное «вил» – «протока, старица».

Само озеро Увильды тектонического происхождения – оно образовалось много миллионов лет назад в разломах земной коры. У берегов возвышаются горы Фоминки, Черемшанки, Собачьи и Барсучьи. Берега его достаточно высокие, заросшие сосновыми лесами, очень изрезанные, с большим количеством заливов, которые местные называют «курьями». Кстати, Увильды относятся к ста ценнейшим водоёмам мира.

Не удивительно, что озеро стало «рыбацкой Меккой». На Увильдах вместе с традиционными породами рыб, характерными для всех местных озёр (окунь, чебак, ёрш), водится и завезённая крупная рыба: пелядь, рипус, сиг. «Но самой крупной породой считается местная щука, достигающая порой метровой длины. Увидев у кого-либо такой улов, рыбаки обязательно скажут: „Ай да полено клюнуло!“, – имея в виду и неуклюжесть рыбины в силу её возраста, и чёрствость по сравнению с молодняком. Тем не менее, поймать такую щуку считается предметом большой гордости и искусства. А историй, связанных с её ловлей, в округе ходило немало...»

Было раздолье и охотникам в этих краях. В лесах водились лоси, косули, рыси, волки, куницы. У озера и на заливных лугах гнездились бесчисленные птицы: от уток и куропаток до глухарей, тетеревов, зябликов.

С 1930-х годов озеро Увильды начинает «обрастать» домами отдыха, спортивными базами, детскими лагерями, санаториями. К тому же в середине XX века здесь были обнаружены богатейшие залежи сапропели и радоновых источников. В итоге на восточном побережье озера открылся известный на всю страну бальнеологический санаторий-курорт «Увильды», а на южном берегу острова Вязовый расположилась здравница «Лесное озеро»...

Поднимаясь по озерному краю от Увильдов на север, попадаешь на берега лесного озера Большая Акуля, соединенного протокой с Малой. Это любимое место у рыбаков. Оно нравится поклонникам спокойного отдыха из-за того, что на этой территории нет поселений, а озеро богато рыбой.

Спокойствия здесь хватает. Вокруг озера – старые, дремучие леса, некоторые стволы в три обхвата. Не случайно неподалеку расположились еще два лесных озера с характерными названиями: Тайга и Темное. Между тем, название Акуля никакого отношения к морским хищникам не имеет и переводится с башкирского языка как «светлое, прозрачное озеро».

Еще одно озеро, ставшее излюбленным местом для отдыха, – Акакуль – расположилось как раз на границе городов Кыштыма и Озерска. По мнению автора многих топонимических словарей Н. И. Шувалова, основу топонима «ака» следует переводить как «протока», «течь» – и действительно, озеро связано с другими водоемами многочисленными протоками, а «лишнюю воду» сбрасывает в соседнее озеро Улагач. Акакульская вода чистая и прозрачная – дно проглядывается до четырех метров. Живописность озеру придают прибрежные сосны и березы, а также высокие отвесные скалы на северном берегу.

Рядом с самим городом, если ехать по челябинской дороге, расположилось еще одно небольшое, но очень уютное озеро – Анбаш (или Амбаш). В северной части озеро Анбаш соединяется протокой с Кыштымским городским прудом (озеро Плесо), а к берегу примыкает поселок Каолиновый. Название озера переводят как «наполненное» до краев.

И вправду, все кыштымские озера оказались полны и прославились рыбными богатствами: ерш, карась, карп, лещ, линь, окунь, плотва, рипус, сиг, щука, чебак, омуль. Рассказывают, что в XIX веке «рыбу вычерпывали из притонной проруби целыми неделями».

С севера кыштымский озерный край венчает озеро Иртяш. В него впадает маленькая горная речка Борзовка с несколькими истоками: на горе Соргина, Козьем увале, горе Цельникова, которые вместе называются Борзовскими горами. Здесь же получил свою «прописку» поделочный камень – борзовит. Кстати, название совсем не обозначает дерзкий характер: в переводе с древнеиранского слова барз – высокий, а древние памирцы сохранили слово «берз», «борз», что означает «высота, высь».

К могучему Иртяшу так просто не подберешься – «мешает» Дедов лог. В старину в русских говорах слово «дед» имело несколько значений, в том числе «домовой» и «черт». Дедов лог – место труднопроходимое, и путешественники его обычно огибали, несмотря на дополнительные версты.

Сам же Иртяш – озеро-сказка; удивительное по красоте, оно долгое время оставалось в тени озерных южноуральских жемчужин. Само название переводится как «каменистое место». Действительно, у Иртяша горный характер – его дно неровное, усыпанное камнями, с резкими перепадами, словно перевернутый вниз горный хребет. И наибольшая глубина впечатляет – 22 метра.

Это одно из самых больших озер Южного Урала – по площади зеркала Иртяш уступает только Увильдам и рукотворному Аргазинскому водохранилищу. К слову, на старинной карте академика Палласа Иртяш занимал площадь втрое большую, чем в настоящее время. Скорее всего, Паллас включил в «периметр» непроходимые болота, озерки, которые когда-то казались одним целым.

И вправду – каких здесь «заводей» только нет! Вдоль нынешней дороги Касли – Кыштым вода по обе стороны: озеро Щучье переглядывается с озером Мягким, в болотистых местах прячутся Долгое, Кривое, Жупино, Пыхово, Букоян, Травакуль, пара Карасых озер да Светленьких. Вот и казалось Палласу, что все сливается. Правда, сегодня иртяшские воды потеряли в силе, обеспечивая водой атомный Озерск...

Многочисленные болота, заиленные и заросшие озерки, наполненные холодной родниковой водой – это тоже кыштымский природный колорит. Осенью, перед отлетом, здесь кормятся рыбой утки. Некоторые болота – клюквенные, причем, ягода здесь особенно крупная. Среди болот – березовые колки со столетними деревьями, под которыми всегда сухо и сумрачно; кустится брусника; а на вырубках – изобилие земляники.

Кыштымские леса богаты разнотравьем. Вот желтые цветочки калгана, корень которого на Урале называют «могущественником» – его водочный настой, как рассказывает В. Казаков, пьют от усталости и лечат язву желудка. Здесь же высятся колоски горца змеиноного – «раковые шейки» – таким настоем снимали детские колики в животе. Есть и валериана, «маун-трава», которая успокаивает нервы. Повсюду видны медоносы: донники, клевер, Иван-чай. Здесь же – кусты шиповника, боярышника, рябины и черемухи...

Сугомакские волны

И все же самым важным, главным для Кыштыма горожане называют озеро Сугомак, который вместе с горой Сугомак и мраморной пещерой признан государственным памятником природы. Само озеро не слишком большое: всего под 6 квадратных километров и глубиной в четыре метра. Если идти по берегу – 15 километров. Кстати, зимой береговая линия Сугомака служила местом проведения лыжных гонок.

Лесное озеро Сугомак на протяжении двух веков питало водой жителей Кыштыма. Здесь переплелись легенды и были, так как человек не раз «вмешивался в судьбу» озера – как минимум, трижды строил плотины с деревянными шлюзами-запорами, укреплял берега дамбами-насыпями, рыл водоводные каналы.

Краевед Виктор Казаков рассказывает, что старые рыбаки были уверены в том, что Сугомак имеет двойное дно. «Рыбу видно простым глазом, а закинешь невод – он приходит пустым, зато позади его следа вновь играет и резвится рыба». Иногда, вдруг, среди тихого летнего дня, набегут нешуточные седые волны-барашки, вызванные озорным ветром, вырвавшимся из-за гор. В таких случаях говорили, что «Сугомак сердится».

Вообще, за Сугомаком был особый присмотр. Как вспоминали старожилы, еще во времена англичанина Лесли Уркварта в начале XX века озеро Сугомак охраняли конные ингуши, ездившие верхом, по двое-трое и при оружии.

– Часа два проходил их объезд. За это время мы, ребятишки, прячась в камышах, лабазах, налавливали по ведру добрых окуней...

Здесь же, в лабазах, плавучих тростниках, водились утки, журавли, цапли, а иногда даже встречались бакланы. Для рыбаков главная сугомакская добыча: линь, карась, окунь, щука, чебак. Был еще язь, да перевелся...

Знаменит Сугомак и своими островами, которых восемь. В засушливую пору некоторые из них «прирастали» к берегу, становились полуостровами, мысами – как самый большой мыс: Туманный. Названия островов говорили сами за себя: Рыбачий, Малиновый, Утиный, Охотничий, Березовый.

Кстати, на Березовом острове есть обелиск в память похороненных здесь жертвах гражданской войны. Рассказывают, что в 1918 году белочехи расстреляли здесь красных мадьяр, бывших пленными Первой мировой войны, воевавших в рядах Красной Армии. Спустя полвека сюда приезжали из Венгрии родственники погибших солдат...

Сугомак всегда притягивал горожан. В революционные годы озеро получило «политическую окраску» – как рассказывает кыштымский исследователь и краевед В. В. Казаков, здесь проводились первые революционные маевки. Затем 15-километровая береговая линия стала постоянным местом для легкоатлетических пробежек с финишем на площади города. И все это – под многоголосый птичий щебет: здесь можно услышать пение синиц, зарянок, трясогузок, чечёток, а также распознать дроздов, ворон, дятлов, иволгу и кукушку.

Впрочем, есть еще одна важная причина задержаться у подножия горы Сугомак подольше...

Марьины слезы и мраморные своды

У подошвы Сугомака находится просторная Марьяна поляна и Марьин ключ, воспетый в сказах Юрия Киприяновича Гребенькова. Писатель рассказывал, что когда-то на берегах Сугомака у заводовладельца Григория Зотова была пара охотничьих избышек, где он содержал понравившихся молодых невольниц. У одной из них был суженый Ефим, кузнец, которого Зотов приказал утопить в Сугомаке. Погибая, тот успел крикнуть: «Прощай, Марьюшка!». Его Марья, прибежавшая вслед за возлюбленным к Голой сопке, услышала прощальный крик и бросилась в ночные воды Сугомака: «Я с тобой, Ефимушка!» А на месте зотовской заимки пробил себе путь живительный родник из чистейших девичьих слез...

Это место – одно из самых любимых среди жителей города, а родник – особо почитаем и охраняем. В новейшей истории родник «Марьины слезы» будет облагорожен по проекту кыштымского скульптора и художника Юрия Борисенкова. А 12 июня, в День России, здесь собирается фестиваль «Русский хоровод», на который съезжаются тысячи зрителей и артистов со всего Урала.

Юрий Гребеньков рассказывал и удивительную историю о том, как горный дух, владыка Сугомак, приветил бедную сироту из кыштымских девушек, одарив ее уральскими самоцветами. Девушку преследовал местный мастеровой, который, призвав своих друзей, хотел взять ее силой. Владыка Сугомак обратил насильников в камни – в темной и мрачной глубине своих владений...

Гора Сугомак – «гора с секретом»: здесь находится редкая для Урала мраморная пещера. Как поясняют геологи, миллионы лет назад вулканическая магма соприкоснулась здесь с известняками и превратила их в белый мрамор. Затем за дело принялась вода и выра-

ботала в массиве полосчатых палеозойских мраморов три грота в двух этажах. Общая длина ходов и гротов пещеры составляет 123 метра, а глубина – 9 метров.

Сугомакскую пещеру подробно описывал тот же В. А. Весновский в своем путеводителе. «Перед входом в нее – глубокая яма, со дна которой с юго-восточной стороны возвышается высокая черная скала, вся испещренная надписями туристов. Сыростью и холодом веет из пещеры. . .» Первый грот небольшой, из него идет узкий длинный коридор, который заканчивается большим залом с потолком в виде купола. «Изломы и сдвиги камней настолько красивы и оригинальны, что служат как бы украшениями этого подземного зала, в котором может поместиться не одна сотня человек».

Сразу же чувствуется особенность пещеры – существенные перепады температур. В первом гроте всегда пронизывающий холод, зато во втором тепло и уютно. Необычность большого грота еще и в том, что здесь вместе с мрамором соседствует гранит или пегматит – образованные в разных геологических условиях, они практически не встречаются вместе.

Из большого зала открывается узкий коридор, ведущий вниз и заканчивающийся отвесным 8-метровым обрывом. Там расположен третий грот, который называют колодцем. Чтобы спуститься на дно, где сверкает подземное озеро, сегодня необходимо специальное снаряжение. Хотя до революции, как рассказывал В. А. Весновский, «спуск на дно грота совершался при помощи двух поставленных вертикально сосен с сучьями. Под обрывом есть несколько расщелин, покрытых слоем льда, который лежит здесь круглый год. В нескольких саженях от обрыва, в воронкообразной расщелине, между камнями лежит озерко. Через него в 1901 году был сооружен мостик, за которым есть небольшая площадка, на которой могут стать два человека. Дальше никакого хода нет. . .»

Сугомакская пещера, которая долгое время считалась самой длинной пещерой в мраморе на Урале (пока в Кизильском районе не открыли пещеру Сальникова длиной 132 метра), естественно, обросла легендами и мистикой. Среди ее секретов – странные полые конструкции подо льдом, которые были обнаружены с помощью современных приборов, или тайные письма на неизвестном языке, напоминающем арабскую вязь. Еще с XIX века существует легенда, что в этой пещере собирались старообрядцы, а подземными ходами можно было добраться до Каслей или, как минимум, до усадьбы Демидовых в Кыштыме.

Во времена уже не столь ранние человек неоднократно «вмешивался» в историю Сугомакской пещеры. Рассказывают, что в 1970 году на слете российских туристов на Сугомаке в составе гостей оказался художник, который на отвесной южной стороне пещеры вырубил барельеф Ленина – как раз к 100-летию его рождения. В 1990-е годы, когда началась история с таинственным карликом, прозванным «кыштымским Алешенькой», Сугомакская пещера сразу стала «пристанищем гуманоидов», которые бродили по подземным ходам целыми ватагами, выныривая на божий свет, подобно доисторической «чуди белоглазой», в самых неожиданных местах. . .

Металлургия в архетипе

Урал – земля древняя. Люди пришли сюда около 200 тысяч лет назад, и археологические артефакты можно обнаружить в самых разных местах, иногда: буквально под ногами.

В окрестностях Кыштыма самыми археологически богатыми оказались озера Иртяш, Большая Нанюга, Травакуль. На их берегах археологами обнаружены поселения людей, примерно, с восьмого тысячелетия до нашей эры, несколько городищ больших и поменьше, окруженных рвом и валом. Основная часть находок – керамика: фрагменты глиняной посуды, а также кости животных и птиц, наконечники стрел, различные поделки, женские украшения: серьги, подвеска, зеркало, бронзовые сарматские наконечники стрел.

Но есть и одна особенность, которая словно предопределила начало Кыштыма как металлургического города. Суть в том, что вокруг древних городищ встречаются каменные булыжные кладки – остатки плавильных горнов, выложенных слоями обожженной глины. Повсюду на озерах от Иртыша до Иткуля встречаются глинобитные площадки, литейные формы для отливки наконечников стрел, мечей, акинаков, кельтов, ножей и украшений, а также фрагменты воздуходувных сопел, тигли, металлическая медь в каплях и слитках, шлак, зола и обожженная руда, содержащая до 50 процентов железа. Все свидетельствует о ранней металлургии здешних древних жителей и связывает их с загадочной иткульской культурой.

Археологи не стесняются в определениях – здесь, задолго до демидовских заводов, существовала самая настоящая металлургическая империя.

– Иткульские металлурги являлись основными поставщиками меди и изделий из нее сарматам Южного Урала, племенам лесостепи Зауралья и Западной Сибири, – говорит профессор Александр Таиров. – Часть металла поступала к племенам ананьинской культуры лесного Приуралья, к скифам Северного Причерноморья.

Неординарность иткульской культуры в том и состоит, что еще в глубокой древности здесь была поставлена на промышленный уровень обработка меди и железа, причем, металл производился и обрабатывался в невероятных для того времени масштабах. Порой археологи находили до трех десятков металлургических печей сразу, на одном месте, в пределах одного городища.

С самими же иткульцами до сих пор много неясного – как минимум, среди исследователей нет общего взгляда на четкую принадлежность их к одной из древних культур. Они появились в уральских землях 2700 лет назад; появились всего на четыре века, а затем исчезли, оставив после себя мифы о «чуди белоглазой», ушедшей под землю...

Первые упоминания о древних городищах близь Кыштыма на Иртыше и Наногe появятся еще в XVII веке во времена первых геологических экспедиций воеводы Якова Тимофеевича Хитрово. В начале 1670-х годов в Москву пришел слух о несметных рудных богатствах тех мест – благодаря старцу Лоту из Долматовского Успенского монастыря. По его словам, «золото и серебро, которые находят русские люди в татарских могилах, происходит из руды, которую добывают сибирские татары и их калмыцкие люди...»

Он же поведаст и историю о том, что «есть город каменный на берегу озера Иредяша, и башни великие, и палаты каменные. Башкирцы его скрывают. А также некто служилый человек видел на острове Иртыш-озера этот город в саморостном камени, вокруг него ров, а за тем городом сделаны домницы исстари, видны плавильная руда и шлак...»

Именно об этом городище век спустя упомянет Петр Симон Паллас в книге «Путешествия по различным местам Российского государства». Петр Иванович Рычков, исследователь уральского края и первый краевед, в середине XVIII века также доказывал, что рудники уральских заводов это продолжение древних разработок, «по которым довольно означается, что древние здешних мест обитатели в горных делах, а наипаче в плавке меди, в свое время вели и сильные имели промыслы». «Самые те копи, – говорит он, – и находящиеся в них разные вещи доказывают, что оные горные промыслы и доставание руд были прежде нашествия татар, ибо сверху нынешних рудников на несколько аршин находящаяся наносная земля довольно подтверждает, что та работа в давние времена происходила».

В «Полном географическом описании нашего Отечества», изданном в 1914 году под редакцией П. С. Семенова-Тян-Шанского, сообщалось: «По дороге от Каслинского завода в Кыштым находится весьма живописная местность, сльвшая под названием Городок. Это возвышенный и открытый перешеек между озерами Большая и Малая Наногa, где существовал прежде курган, ныне разрушенный. Здесь, по всей вероятности, было древнее Чудское городище. В четырех верстах от городка, на южном берегу озера Иртыш, есть мыс, носящий название Новой деревни, где имеется подобный же курган, описанный академиком Палласом».

Первым иртышским археологом станет совладелец Кыштымских заводов В. Г. Дружинин – именно он сделает первые раскопки, обнаружив культурный слой в человеческий рост, остатки нескольких плавильных горнов, выложенных слоем обожженной белой глины, много шлака с большим содержанием железа, а также наконечники стрел, ножи, лопаточки. Все находки относятся к раннему железному веку и соответствуют образцам иткульской культуры...

Археология под ногами

Заглянув в отчет по инвентаризации памятников истории и культуры города Кыштыма, отчеты члена Императорской археологической комиссии В. Г. Дружинина за 1891—1894 годы, отчеты историка П. А. Дмитриева за 1938 год и другие, можно увидеть, что археологические находки были самыми разными. Так, сообщается, что на берегу озера Травакуль, недалеко от Кыштыма, случайно обнаружен археологический клад: элементы лошадиной сбруи VII – VI веков до нашей эры, подпружная бляшка в виде свернувшегося хищника, предположительно пантеры.

Еще одна удивительная находка была сделана летом 1902 года на Кыштымском железном руднике, где добывался бурый железняк. О ней сообщил И. И. Кротов в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (том XIX, вып. 1, 1903 г.):

«В верстах 10—12 к юго-западу от Кыштымского завода... при горных работах на этом руднике минувшим летом был найден в поверхностной глине, на глубине 3½ аршин своеобразный предмет, который и был доставлен управляющему Кыштымскими горными заводами П. М. Карпинскому... Предмет этот – «лопата из лосиного рога, очевидно, судя по месту и условиям находки ее, употреблявшаяся при былой разработке нынешнего Кыштымского рудника... в виду нахождения подобных роговых орудий в других местностях, при аналогичных же условиях, позволительно думать, что здесь мы имеем дело с орудием довольно древним, употреблявшимся в былое, доисторическое время при рудничных работах в местности нынешнего Кыштымского рудника. Вероятно, в этом месте на Урале была рудная копь, аналогичная чудским копиям...»

Сейчас эта древняя находка хранится в зале Шигирской кладовой Свердловского областного краеведческого музея.

Археологическое изучение окрестностей Кыштыма не прекращается и сегодня. Так, летом 2001 года в районе базы отдыха «Красный камень» под водой в иле на глубине 22 метра тремя дайверами были обнаружены два керамических сосуда и фрагмент деревянного ковша в форме уточки. По заключению ученых, находки относятся к IV тысячелетию до нашей эры и предположительно использовались при погребальном обряде.

А в 2013 году, как рассказывает в «Исторической азбуке Кыштыма» Галина Алексеевна Шангитова, один из кыштымцев Василий Лежнев, переходя через противопожарную распашку в лесу, увидел под ногами странный «камень с дырой», похожий на «кубасик» от невода. Смутился – кто бы стал ловить рыбу в лесу! – взял находку с собой и показал по случаю писателю-краеведу, геологу и педагогу Сергею Васильевичу Колисниченко, автору книги «Удивительные минералы Южного Урала».

Когда «камень с дырой» отмыли, рассмотрели, оказалось, что это навершие (верхняя часть) булавы или жезла – символа власти. «Ещё в 1971 году археологи впервые зафиксировали использование местного поделочного камня для атрибутов власти, найдя подобный артефакт в могильном кургане около села Кизильское. Это шлифованное изделие в виде приплюснутого шара со сквозным коническим отверстием из горного хрусталя получило название „шар Стоколоса“ по имени известного археолога».

Всего на Южном Урале было обнаружено пять таких артефактов, характерных для синташтинской культуры. Шестая, кыштымская находка, обработанная шлифовкой без лощения, заставила ученых поволноваться. Была высказана версия, что подобные булавы со сходными навершиями творились по одному «лекалу», словно символы власти заказывались в одном месте – в центре древней империи – и затем рассылались на места, подобно современным инаугурациям губернаторов или мэров...

И все же вопрос: как сарматский скипетр попал в страну металлургов-иткульцев – остается открытым. Но если согласиться с тем, что люди в этих краях были всегда, то вместе с ними испокон существовали и дороги, их связывавшие.

Перекресток дорог

Исследователь и краевед Вячеслав Михайлович Свистунов, автор первого обстоятельного очерка по истории Каслинского завода, отмечал удивительную историко-географическую особенность здешних мест: от Кыштыма и Каслей до Маука и Уфалея. Это не просто места водораздела, откуда реки уходят как на запад, так и на восток – в Каслинском Урале высота водораздела ниже, и Теплые горы ниже соседних. А значит, это самые удобные места для «перевалки через Камень», для караванных путей. Кстати, соседний с Кыштымом Маук переводится как «волоок», «волоковая река», по которой тащили грузы.

«Эти места были привлекательны тем, что через Каслинско-Иртяшскую систему озер пролегал древнейший путь из Азии в Европу, по которому происходило передвижение многих племен и народов, – пишет В. М. Свистунов. – Эта древняя дорога позволяла во все времена вывозить как готовый металл, так и изделия из него, на большие расстояния и в больших количествах. Путь этот в разные эпохи имел разное значение. Были исторические периоды, когда движение по нему было интенсивным, но были и периоды, когда оно замирало».

Ученый также отмечает, что в эпоху бронзы и раннего железного века здесь довольно густо располагались селения, жители которых занимались, в основном, добычей руды и выплавкой металла – причем, счет ему шел на тонны. Металл большей частью сбывали на восток – это подтверждают бронзовые орудия труда из уральского металла, найденные при раскопках в степях Южного Урала и Северного Казахстана.

К концу XVII века древний путь оформился в Старую Казанскую дорогу. В. М. Свистунов приводит интересный архивный документ в «Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала 1695—1696 годов». В нем описан участок пути из Сибири в Россию: «... А от Караболки-речки, едучи по Казанской Уральской дороге до озера Порохового..., а от того озера, едучи по Казанской же дороге, к Камению на правой стороне озера Алак Большой, другое озеро Алак Малый... А от того озера едучи, на левой стороне дороги озеро Алабуга... А от того озера едучи, на правой стороне Казанской дороги близ Камени озеро Касли... а из того Касли-озера течет Исток мимо башкирской деревни и подле Урал-камень в Иртяш-озеро; а от Камени подле тот Исток на Казанской проезжей дороге живут башкирцы Талиш Иткулов со товарищи в 10-ти юртах...»

Несмотря на то, что описание дороги на этом прерывается, можно смело предположить, что дальнейший путь шел по речной долине Большого Маука через главный водораздел Каслинского Урала к речкам Кизил, Нязе, Уфе, а по ней к рекам Белой и Каме в Волгу. При этом, название Старая Казанская дорога, или просто Казанская дорога, как исследователь и историк Гаяз Хамитович Самигулов, относилось не к одной дороге, а к целой сети дорог, соединявших европейскую часть с Зауральем и Средней Азией. В этой сети путей, естественно, были свои узловыe точки, и одна из них как раз приходилась на озерный кыштымский и каслинский край.

В любом случае, будущие заводчики, и Демидовы в том числе, транспортируя железо из Зауралья до самой Балтики, не изобретали ничего нового – просто воспользовались старым маршрутом и тащили барки по уральским рекам волоком...

«На бывшей дороге яму...»

К моменту основания Н. Н. Демидовым Кыштымских заводов, здешние земли совсем не являлись глухим медвежьим углом – необходимая логистика уже существовала, а территории были достаточно обжитыми.

В июле 1759 года, когда молодому Кыштыму не было и двух лет, унтер-шихтмейстер Степан Костромин составил карту отвода земель, на которой была показана дорога, идущая с запада на восток через верховья рек Сураям и Уфа и через Кыштымский завод. В районе озера Улагач была развилка, подобно Т-образному перекрестку – одна дорога уходила на юг, к Челябинской крепости, а другая на север, к Екатеринбург.

Как пишет Г. Х. Самигулов, подробно исследовавший в сопоставлениях не одну уральскую карту, отрезок западнее Кыштымского завода был подписан: «Дорога в город Уфу». Там же обозначены почтовые станции – «ямы». То есть через кыштымские земли проходила не просто дорога, а «ямская дорога» – большой почтовый тракт. «Вдоль тракта стояли почтовые станции, или ямы, где почтальон, или курьер мог передохнуть, сменить лошадей. По возможности, ямы размещали в населенных пунктах, расположенных у дороги. Иногда оказывалось, что на длинном отрезке пути не было никаких постоянных поселений. В таком случае организовывали почтовые ямы на расстоянии 20—30 верст друг от друга».

Еще в 1753 году башкиры Мякотинской волости, при продаже земли Демидову, отдельно оговаривали, что за ними остается право пользоваться «травами и сенными покосами и на дрова лесом» при учрежденных в той волости ямах. Это же право позднее утверждали башкиры Шуранской волости (северо-западная часть современного Кыштыма). При описании границ продаваемого участка земли указали: «по реке Уфе по течению с левой стороны, выше бывшего из Челябинска в Уфу на бывшей дороге ям... который стоял на реке Игалиш и от того яму по большой дороге до яму же, что стоял на реке Уфе».

– Суть в том, что в середине XVIII века главная дорога из Челябинска в Уфу шла вовсе не так, как сегодня, – поясняет Г. Х. Самигулов. – Чтобы добраться до Уфы, человек выезжал из Челябинска по Уфимской улице через северные ворота и ехал по дороге на Екатеринбург. В районе озера Улагач дорога раздваивалась – одна шла дальше на Екатеринбург, а другая – на Кыштымский завод и дальше, на Уфу. После 1756 года, согласно указу, появятся новые почтовые тракты, но дорога из Кыштыма на Уфу никуда не денется, превратившись в дорогу местного значения.

Из архивных документов следует еще один важный вывод: «почтовые ямы обслуживали башкиры – это была одна из повинностей, неосновных налогов, которые несло местное население». Они и называли ямы-станции – согласно своим вековым традициям...

Башкирские волости

Еще в середине XVI века Башкирия добровольно вошла в состав Русского государства и управлялась приказами Казанского дворца и находившимися в Уфе русскими воеводами. Кыштымские земли накануне горных заводов – земли башкирские. К началу горнозаводского строительства именно башкиры занимали территорию всего Южного и большую часть Среднего Урала. Историки Урала утверждают, что «к началу XVIII века башкиры расселились на обширном пространстве от реки Ика на западе до реки Тобола на востоке, от реки Камы на севере до реки Урал на юге».

В административном отношении Башкирия была разделена на четыре области: даруги, или дороги. Будущие кыштымские земли входили в Сибирскую дорогу. В 1712 году Казанский губернатор П. М. Апраксин писал в письме брату, что башкиры «...многочисленный народ, ...паче народ пред всеми здешняго краю, пред калмыки и кубанцы, несравнительно богаты и живут много лет без всякого смирения и в местах обетованных, на многих тысячах верстах». Основным занятием башкир было полукочевое скотоводство, бортничество, охота, рыболовство.

Насчет «обетованных», исконных мест очень верно замечено. Если первые два десятилетия XVIII века башкиры достаточно равнодушно смотрели на возникновение северных уральских заводов, которые как раз располагались на границе «башкирской вотчины», то затем их реакция на строительство стала весьма болезненной. Основной пик «башкирских проблем» приходится на 1720—1740 годы, хотя еще в 1709 году башкиры впервые пожгли большое русское село Усть-Утку, принадлежавшее Строгановым, на берегу реки Чусовой.

«Башкирский вопрос» стал злободневным после весьма неудачного миссионерского визита в 1721 году графа Головкина в Уфу с целью полюбовно договориться с «лучшими башкирцами» о том, чтобы они не препятствовали строительству екатеринбургских заводов. Ни обещания, ни посулы не помогли – башкиры «чинили вред и убыток».

К началу 1730-х годов необходимость «силового решения» проблемы стала очевидной. На башкирских вотчинах все чаще стали появляться регулярные части – Российской империей уже был накоплен достаточный опыт по «укреплению границ», равно как и по «усмирению бунтовщиков». Эта эпоха войдет в историю как колонизация башкирских земель русскими.

Еще сложнее оказалось с укреплением вновь занятых территорий – этот процесс растягивался на долгие годы. Строительство крепостей и развитие укрепленных заводов решало проблему лишь отчасти. Важно было «наводнить» здешние края русским людом. Отсюда многочисленные разрешения на переселение крестьян из Центральной России на Урал, сюда же ссылались на поселение разночинцы, незаконнорожденные, престарелые и холопы, отпущенные на волю. Было немало беглых, которые назывались «непомнящими родства» и на которых власти смотрели сквозь пальцы. Кроме того, на Урал целыми скитами перебирались старообрядцы-раскольники. Особая ставка была сделана правительством на казаков – они и стали тем «иррегулярным войском», которое базировалось на линии крепостей, контролировавших казахские степи,

Риск такого народонаселения, естественно, был велик – слишком пестрой оказалась палитра. Но в целом он был оправдан: при такой колонизационной политике количество русских слобод выросло в десятки раз.

Позднее, в середине XVIII века, начинается «настойчивое обрусение» южноуральских земель. Именно эти «нежные» слова использует Д. Н. Мамин-Сибиряк, чтобы хоть как-то нивелировать жестокие и подчас уродливые процессы, которые происходили на местах. Шло масштабное закрепление земель – точнее, их покупка и передача в частное владение.

«Хищение башкирских земель происходило в самых грандиозных размерах, – рассказывает писатель. – Происходила обыкновенно добровольная „покупка“, причем выкидывались невероятно дикие штуки: так, в 1756 году дача Кыштымских заводов, равняющаяся 150 000 десятин, куплена всего за 150 рублей ассигнациями, т. е. по 1/10 копейки ассигнации за десятину...»

Массовые изъятия башкирских земель, происходившие в середине XVIII века, естественно, меняли уклад жизни башкирских племен. «Но нет худа без добра». Так, башкирские рудознатцы, рудоискатели приняли активное участие в поисках и разработке месторождений железной и медной руды. Они издавна владели знаниями и навыками поиска, добычи, плавки различных руд, знали месторождения золота и серебра – и зарабатывали на своих знаниях. Позднее наряду с традиционными отраслями хозяйства, большое развитие у башкир получили

ремесла: они обрабатывали дерево, кожу, шерсть, коноплю, крапиву и обеспечивали растущие заводы сопутствующим товаром.

На таком историческом фоне и в таком «населенческом горниле» и родился город Кыштым...

Топоним места: «Тихое зимовье».

Название места – Кыштым – до сих пор читается неоднозначно. Этимология этого слова восходит к VII веку и впервые встречается в Южной Сибири, в Саянах: оно было написано на одной из скал у реки Кемчик в верховьях Енисея. В XVIII веке ученый и исследователь Г. Ф. Миллер в своей книге «История Сибири» писал, что «кыштымами по-татарски назывались такие народы, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани». Кыргызы в своих толкованиях также связывают «кыштымов» со сбором ясака.

Подобная версия встречается и в книге А. К. Матвеева «Географические названия Урала» – отмечается, что в русских документах XVII столетия в части взаимоотношений русских с местным населением Южной Сибири слово «кыштымы» («данники») встречается довольно часто. Причем, слово было обидным. В XVII веке, когда енисейские и красноярские казаки делили бурятские ясачные волости, первые жаловались на последних – красноярцы, во-первых, ставили весь Енисейский уезд «ни во што», а во-вторых, называли «нас, холопей государевых, в ыноземцах: то де наши кыштымы...».

Вот только каким ветром это слово занесло на Урал? До начала строительства Н. Н. Демидовым заводов в этих местах были башкирские кочевья, а поселений как таковых не было – а значит, и дань брать было не с кого. Жители Кыштыма и по сей день не приемлют «южно-сибирских топонимических изысканий» и тем более не принимают их на свой счет. Гораздо более привлекательной и более достоверной является версия, что топоним восходит к башкирскому слову «кышкы» – зимний. Иногда это слово переводят, как «место, где тихая зима».

Но есть одно «но». Как отмечает исследователь Б. Идрисов, башкиры название это так не произносят, а говорят «Кштэм». Название «кштэм» возникло в свою очередь от слова «кэштэмэ», характеризующего окрестность – «ступенчатая, террасовая». И правда: в данной местности, если взглянуть с востока, ближние горы не заслоняют дальние: все на виду.

Есть и слово «кыштау», из которого могло возникнуть наименование города Кыштым. В говорах восточного диалекта башкирского языка оно также означает «зимовье», иногда – «деревня». Этим словом могли быть названы и местность, и речка, где располагались в прошлом зимние стоянки, превращаясь затем в места постоянных поселений. Конечно – ау, чуждое для русского произношения, вполне могло измениться на -ым, -им. Это подтверждают и научные сотрудники института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

Топоним Кыштым прижился, а затем в перевод слова вкралось романтическое прилагательное. В итоге появилось поэтичное толкование: «тихое зимовье», которое закрепил за собой не только город, но и кыштымское общество краеведов.

Кстати, в этимологических изысканиях появилась еще одна версия, высказанная этнографом Л. П. Потаповым. Он разъяснял, что топоним произошел от тюрского «киш» – соболев, «кэштэн» – «соболевать», бить соболя. Созвучие вышло красивым – именно клеймом, изображавшим двух соболей, стоящих напротив друг друга на задних лапках, Демидовы маркировали свое железо...

Начальные времена «Выбор сделан» – прошение Н. Н. Демидова в Берг-коллегию в 1755 году. Новая гидрология: демидовские пруды, плотины и мосты. Начало Демидовской эпохи. Трудный год. В дыму пугачевского бунта. Продажа заводов.

«Выбор сделан» – прошение Н. Н. Демидова в Берг-коллегию в 1755 году.

Официальное историческое начало Кыштыма необычно и не похоже на другие горнозаводские города или села эпохи русской колонизации Южного Урала. Как правило, дату основания считали с момента записи в приказе о разрешении на поселение или совершения сделки по приобретению земли. В случае с Кыштымом это был 1755 год. А город ведет свое исчисление с момента выпуска первой продукции в 1757 году – на два года позже первого колышка.

Причины такого «отставания» могут быть самыми разными, но в любом случае ведут к тайнам уральских заводчиков Демидовых – прежде всего, к Никите Никитовичу, который и заложил Кыштымские Верхний и Нижний заводы.

Суть в том, что умерший в 1725 году «друг Петра Первого» Никита Демидов все свои основные и лучшие заводы: Невьянский и Тагильский – передал во владение сыну Акинфию и практически ничего не оставил двум другим: Григорию и Никите (они были «отделены» еще при его жизни). Григорию вообще «не повезло» – он был убит своим собственным же сыном Иваном, впоследствии казненным. Никите же (о нем самом и его потомках мало что известно, в отличие от «росписи» линии Акинфия) пришлось немало потрудиться, чтобы самому стать крупным заводчиком. Именно он и его сын, также Никита Никитич, обратили внимание на озерный край южнее Екатеринбурга – на Каслинский Урал.

Никита Никитич Демидов-старший прибыл не на пустое место. Недалеко от будущего Кыштыма уже действовал Каслинский завод, построенный тульскими купцами Коробковыми. Заводское дело у Коробковых не пошло. Они строили завод на свои деньги, и строили медленно: почти четыре года. И то завод вышел неказистым – всего одна домна и кричная фабрика с весьма низкой производительностью. Намучившись с заводом, где купцы бывали наездами, Коробковы в 1751 году, окончательно оформив документы, продали его Никите Никитичу Демидову.

«Ущемленный в наследственных правах», Никита Никитич с покупкой Каслинского завода взялся за дело основательно. Так, всего за четыре года к двум коробковским молотам Демидов прибавил девять новых, поставил дополнительно две кричных фабрики, выстроил заводскую лесопилку и даже попробовал завод в медеплавильном производстве.

В 1755 году Никита Никитич, обжившись в Каслях, присмотрелся к хорошей площадке в 30 верстах южнее – для «умножения заводов» – и повел переговоры с башкирскими старейшинами о покупке земли. Договорились «на глазок»: «Начав с первого пункта подле озера Капштол, идти логом текущего ключика Кузькина, смежного по прикосновенности с землей Метлино, по меже последнего до реки Бижеляк... далее до деревни Амеевой и от нее берегом по генеральной линии, разделяющей Пермское и Уфимское наместничество, прямо в болото, лежащее между озерами Волком и Аргазями...».

Правильность демидовского выбора подтвердил берг-гешворен, горный надзиратель Кичигин, обследовавший намеченное под завод место. Он нашел его вполне пригодным: удоб-

ные каменистые берега рек, лесов достаточно, а воды после сооружения плотины будет столько, что можно содержать две домны и необходимое число молотов.

Оговоренный участок составил полторы тысячи квадратных верст и обошелся Демидову в сумму «безделицу» – в 72 рубля. В итоге Н. Н. Демидов купил «Исетской провинции в Мякотинской волости, у башкирцев старшины Юная Азнаева с товарищи землю, где поблизости имеются сысканные железные руды». Правда, был и компромисс – согласно договору, башкиры могли «невозбранно» ставить свои стоянки, «кошевать každолетно», ловить рыбу, собирать травы, гонять зверей и рубить лес для постройки юрт и на дрова. Будет еще одна купчая, оформленная в Уфимской провинциальной канцелярии. В итоге «по обоим купчим башкиры продали 600 тысяч десятин земли с лесами, металлами, водами за цену 250 рублей ассигнациями».

Тогда же Н. Н. Демидов подал прошение в Берг-коллегию с разрешением устроительства заводов на прежних башкирских землях. Как свидетельствуют архивные документы, 18 сентября 1755 года Берг-коллегия «рассматривала просьбу Н. Н. Демидова о постройке завода в Исецкой провинции на реке Кыштым, где он намеревался соорудить 2 домны с пристойным числом молотов...» Через три дня был оформлен Указ на постройку Кыштымского завода – с этого момента и началось строительство Верхнего, а затем и Нижнего Кыштымских заводов.

Но прежде возведения заводов требовалось решить иную задачу...

Новая гидрология: демидовские пруды, плотины и мосты.

Вода – один из главных героев горнозаводского строительства. Именно она приводит в движение все заводские механизмы, а ее дефицит неминуемо вел к остановке производства. Поэтому первым делом Никита Никитич-старший принялся за каслинскую и кыштымскую гидрологию, причем, сделал это основательно. В итоге весь демидовский Кыштымский округ словно превратился в уральскую Венецию: получил систему провода воды через естественные озера, реки обросли многочисленными плотинами, там и здесь появились демидовские каналы – канавы-копанки, по которым можно было перебросить воду из одного водоема в другой.

Говорят, в былые времена по этим каналам из Верхне-Кыштымского заводского пруда можно было на лодке сплавить из Кыштыма в одну сторону на озеро Увильды, а в другую – на каслинские озера. Это был водный путь в десятки верст. В различных источниках встречаются многочисленные гидрологические описания: «В Кыштыме городской пруд соединен протокой с озерами Бунчук и Увильдами, Темное и Плесо соединено с Анбашем, Малой и Большой Акулей, которое в свою очередь соединено с Аракулем... Или другой пример: озеро Увильды соединяется на севере сильно заболоченным промышленным каналом с озером Акачкуль, а через него – с Белишкулем. Также на севере, а точнее на северо-западе, этот водоем связан прорытым каналом с озером Доронькино...»

Многие протоки были прорыты были в середине XVIII века, о чем свидетельствуют документы. В ведомости 1762 года записано: «Для пропуску с Нижне-Кыштымского завода из пруда воды чрез озера с Нижне-Маукский и Каслинский пруды выкопаны в разных местах каналы и укреплены по низким местам плотинки, ибо в помянутом Каслинском пруду было маловодие и на действие фабрик воды недоставало». Трудом сотен людей была создана уникальная гидросистема. Вода для новостроящихся железоделательных заводов необходима была в огромном количестве.

Каждое гидрологическое сооружение имело свой четкий прагматичный характер. Иногда эти объекты решали сразу несколько задач. Например, плотина на Нижне-Кыштымском пруду не только обеспечивала водной силой примкнувший к ней завод. Как поясняет исследователь

и краевед А. М. Свистунов, эта плотина служила своеобразным «регулирующим» уровнем воды и в Каслинском заводском пруду, особенно в засушливые годы.

Именно плотина – главное инженерное сооружение при заводе – была общей чертой всех старопромышленных уральских городов и центральной осью горнозаводской жизни. «Даже сегодня Кыштымская плотина и водоотвод впечатляют, – пишут исследователи. – Именно по нему вода, стремясь под уклон, набирала силу для вращения водяных колес. Арочный туннель длиной более ста метров, выложен тесаными гранитными блоками, весом каждый более пяти тонн. Перевозка стоила трудов, сравнимых со строительством египетских пирамид. Только в миниатюре. Волокли блоки по 20—30 пар лошадей, запряженных цугом. А чтобы вода не уходила в землю, при строительстве блоки тщательно подгоняли один к другому. Тяжелейшая и в то же время ювелирная работа!».

Кыштымский пруд, кстати, хранит немало загадок, и не только индустриальных. В заводских прудах легко можно было спрятать «концы в воду», особенно во времена, когда расчетливая жестокость и пренебрежение человеческой жизнью были в порядке вещей. В 1827 году в Кыштым приехал граф А. Строганов, возглавлявший правительственную комиссию по расследованию причин рабочих волнений. По одной из легенд, когда он приказал спустить воду из заводского пруда, то открылась ужасная картина: на дне белели человеческие кости, черепа и скелеты.

Впрочем, подобных сюжетов суровой уральской истории не занимать, и там, где отсутствовали реальные факты, появлялись легенды, выстроенные по аналогии...

Малоизученной страницей остается история кыштымских мостов, а их в городе – более двух десятков. Они соединяют несколько островов, переходят через многочисленные каналы Уральской Венеции и служат украшением города. Как верно заметил писатель Алексей Иванов, «мосты – самое доброе изобретение человечества. Они всегда соединяют».

Исторически, все кыштымские мосты были деревянными – это хорошо видно на дореволюционных фотографиях. Дерево было доступным материалом, удобным. Изредка мосты сносило весенним половодьем и ледоходом, но в целом река Кыштымка была спокойнее по нраву, чем ее северные соседи: Синара или Багаряк. К тому же основную водную нагрузку принимали на себя прочные каменные заводские плотины.

Лишь в 1960-х годах старые деревянные мосты стали менять на балочные мосты разрезной системы, собранные из железобетона. В Кыштыме таких девять, и они служат связующими магистралями города. Спустя более полувека, в 2016 году, благодаря выделенным губернатором области средствам, наконец-то началась большая реконструкция мостов Верхне-Кыштымского пруда.

Старейшие мосты Кыштыма – на нынешней улице Садовой: один у демидовской усадьбы, второй – у госпиталя. Мост у Демидовской усадьбы оказался «блуждающим». Рассказывают, что во времена Демидовых первый мост примыкал почти вплотную к Башням. Как отмечает исследователь и краевед В. М. Свистунов, первоначально «в заводскую церковь, которая находилась на острове, можно было попасть, только пройдя в непосредственной близости от массивных стен господского двора и дома. Проход на остров осуществлялся по мосту, построенному на самом краю мыса, так как это было наикратчайшее расстояние». Позднее мост был перенесен на несколько метров, что позволило оформить и расширить площадь и парк перед усадьбой...

Начало Демидовской эпохи

Одновременное строительство двух заводов – на это нужно было решиться! Строительство заводов велось достаточно быстро по тем меркам. Для этих целей Н. Н. Демидову пришлось серьезно решать проблему нехватки рабочих рук. Как отмечают источники по истории

Екатеринбургской епархии (1902), в Кыштыме «приход образовался не из коренных местных жителей, каковыми были башкиры и мещеряки, а из пришлаго люда, переселенного сюда основателем завода Демидовым из внутренних губерний – Московской, Тульской, Нижегородской и других». Однако основной поток все же был из Казанской губернии и Калужского уезда.

Самой многочисленной группой работников на демидовских заводах были приписные крестьяне. Н. Н. Демидову по указам Сената от 23 июня 1756 и 27 февраля 1757 годов к Каслинскому и двум Кыштымским заводам было приписано 5582 души (мужского пола). Причем, из общего числа приписных мужских душ трудоспособных в заводском производстве оказалось только половина.

В 1760-е годы, как свидетельствуют архивные документы, на Кыштымские заводы было переведено из Нижегородских вотчин Демидовых 122 человека, Симбирских – 131, Тверских – 97, Галицких – 43, Людиновской – 22, Ромадановской и Латынейской – 6, Нудовской – 34 ревизские души, всего 455 человек. Из них мастеровых и работных людей 249, «в разных чрезвычайных работах» – 111, престарелых, дряхлых, малолеток и негодных к заводским работам – 95 человек.

«Кроме собственных крестьян и „вечноотданных“, Сенатскими указами 23 июня 1756 года и 27 февраля 1757 года к Каслинскому и Кыштымским заводам были приписаны государственные крестьяне Куяровской, Юрмыцкой, Утецкой и Чубаровской слобод Краснослободского дистрикта Сибирской губернии – всего 2576 душ мужского пола. А также из Оренбургской губернии, Сибирские и Исецкие слободы, находящиеся на расстоянии 190—220 верст от заводов. В 1777 году на заводах числилось около девяти тысяч человек, в конце века – около 11 с половиной тысяч, а в начале XIX века – более 14 тысяч».

Конечно, условия, в которых шла первая волна уральской индустриализации, были крайне суровыми. Д. Н. Мамин-Сибиряк, упоминая о XVIII веке уральской истории, отмечал: «Это было кипучее время, время сильных людей. Время, носившее на себе печать какого-то стихийного разгула сил, когда на каждом шагу проявлялась почти нечеловеческая энергия».

За два года с момента прошения в Берг-коллегию на Верхнем Кыштыме были построены две доменные печи одинаковой конструкции с холодным дутьем, установлены котлы воздуходувной машины. Основные сооружения – две домны и десять молотов Демидов поставил при верхней плотине, а нижняя была использована для одного действующего и одного запасного молотов. Чуть позже появится третья домна, выстроенная специально для выплавки литейного чугуна. В целом, среднесуточная мощность трех домен составит более 700 пудов чугуна.

В 1757 году первая готовая продукция была свезена на Сорокинскую пристань в Шемахе. Кыштымские заводы вошли в рабочий ритм и положили начало городу...

Трудный год

Между тем, первый год Кыштымских заводов выдался тяжелым. Катастрофически не хватало людей: на двух заводах работало чуть больше 700 человек – крепостных мастеровых. К тому же весной 1757 года вешней водой снесло плотину.

Во многом смешал планы 1758 год – год смерти Н. Н. Демидова и год страшного пожара в Кыштымском заводе. Вести дело и восстанавливать заводы пришлось Никите Никитичу-младшему, сыну, который в ведомостях значился как «дворянин Н. Н. Демидов». Он не только заново отстроил заводы, но и довел до совершенства, сделав их центром всего округа, хотя главная канцелярия всех демидовских заводов пока оставалась в Каслях. В Кыштыме, в целях пожарной безопасности все производственные и подсобные помещения были построены из кирпича и камня, многие из них облицованы чугунными плитами. В результате Кыштымские заводы стали одними из лучших на Урале.

Помогало и то, что рудные месторождения близ заводов располагались почти на поверхности и были превосходными по содержанию железа – порядка 40 процентов. Кыштымский чугун, рожденный в кричных печах на древесном угле, отличался исключительно высоким качеством и был хорош в переработке – демидовское железо, клейменное двумя соболями, охотно брали не только на российских ярмарках, но и за границей. При этом себестоимость демидовского железа была достаточно высока – в среднем 25 копеек за пуд чугуна и 40 копеек за пуд железа. Англичане покупали железо за 70 копеек за пуд, и считали это вполне удачным приобретением.

Между тем, давался этот успех тяжело. Иван Иванович Лепехин, руководитель одного из отрядов Академической экспедиции, побывавшей в 1770 году в Кыштыме, так описывал Верхне-Кыштымский завод демидовских времен: «На Верхнем заводе стояли две приземистые, похожие на самовар, домны и несколько фабрик (цехов), сложенных из кирпича и покрытых чугунными досками. Три молотовые фабрики имели 12 молотов, девять из них действовали, а три были запасными. В 18 горнах постоянно бушевал огонь. Молоты приводились в действие водой. В фабриках и у домен всегда стояла адская жара. Люди работали голые по пояс. Солнечный свет в помещения почти не проникал. От дыма и копоти в них царил полумрак, расцветиваемый красноватыми отблесками пылающих горнов...»

И все же заводы крепили: за год домы выплавляли до 190 тысяч пудов чугуна, а молоты выковывали до 120 тысяч пудов железа.

Жизнь Кыштыма не ограничивалась заводами, хотя и целиком зависела от них. Заводской поселок рос. Как сообщает И. Лепехин, в 1770 году «как на Верхнем, так и на Нижнем Кыштымских заводах мастеровых и работных людей считается 748 душ, из которых 701 душа собственных, и 47 отданных от ревизии в заводскую работу, из числа непомнящих родства и незаконнорожденных». Русский путешественник и натуралист немецкого происхождения Петр Симон Паллас так описывает поселок: «Домы построены на северо-восточном берегу пруда без порядку, и число оных до трёхсот простирается. Воздвигается подле пруда далее к востоку новая, высокой башнею украшенная двухрамная каменная церковь, от жильев стоит отдалённо. Для хозяина при заводе построен также большой каменный дом лицом на пруд».

При всех «ужасах», что приписывают демидовской эпохе в отношении жесточайшей эксплуатации рабочих, здравый смысл еще никто не отменял; он же лежал и в основе своего рода демидовского «социального пакета». К примеру, наученные горьким опытом с доставкой продуктов на заводы, Демидовы ратуют за ведение приусадебного домашнего хозяйства. Если мы попытаемся нарисовать кыштымский городской пейзаж тех лет, то неизбежно получим множество частных домов, хоть в два окна, но с обязательным огородом и хозяйством. Кроме того, Демидовы четко соблюдали «покосное время», останавливая производство на время сенокосной недели.

Также известно, что Демидовы на хороших мастеровых никогда не экономили – строили им дома, платили хороший заработок, практиковали как сдельную, так и повременную оплату труда. Кроме того, поощряли инициативу в виде единовременных награждений или доплат «для домашней надобности на дрова, свечи и сено». Наконец, некоторым работникам был даже учрежден пенсия по старости в размере годового оклада. Со временем, когда власть на заводах почти всецело перейдет в руки приказчиков, а потомки Демидовых обоснуются в столицах, это положение изменится – и далеко не в лучшую сторону...

А пока демидовскую эпоху в Кыштыме пошатнул пугачевский бунт...

В дыму пугачевского бунта

О восстании Пугачева написано много и в красках, начиная с А. С. Пушкина. Отметим лишь некоторые детали. На горнозаводском Урале: от Сатки до Кыштыма – действовал

сподвижник Пугачева Иван Белобородов, грамотный и талантливый организатор, чей вооруженный отряд даже путали с регулярными армейскими частями. Заводы, особенно по линии северных старообрядческих центров, сдавались ему без боя; вернее, даже не сдавались, сколько по собственной инициативе принимали «новые власти» и угощали хлебом-солью.

Именно так и произошло на Кыштымских и Каслинском заводах. Осенью 1773 года заволновались сначала башкиры, таившие обиду на Демидова за обман при купле-продаже их исконных земель, – их конные отряды все чаще появлялись вблизи заводов. Затем приписные крестьяне, исполнявшие тяжелые повинности на заводах, рудниках, обжиге леса, заговорили о новой жизни при новом царе.

В «Очерках истории Челябинской области» рассказывается, что в начале волнений «для предупреждения присоединения заводов к восставшим» в Кыштым прибыл отряд из 300 казаков под командованием майора Чубарова. Тем не менее кыштымские работные люди смогли тайно направить 25 человек к пугачевскому полковнику Грязнову, что уже стоял в Златоусте, – «просить Грязнова прибыть на завод». «Выборные привезли из Златоуста в Кыштым манифест Пугачёва. Чтение его вызвало одобрение. Заводские люди и казаки арестовали Чубарова и других офицеров, отправили их для суда Грязнову, а сами организовали отряд „казаков“, который влился в повстанческую армию со своими пушками. Каслинские работные также присоединились к восставшим и создали своё самоуправление».

Кроме того, работные люди передали Пугачёву готовые пушки, имеющиеся на заводах, и организовали литьё новых. «Вложились» в восстание и реквизированным продовольствием и деньгами. В частности, в Кыштымском заводе было реквизировано 15500 рублей, в Каслинском – 8600 руб. «Часть реквизированного продовольствия и денег шла на обеспечение заводского населения. Кыштымские работные люди, например, обращались к пугачёвскому полковнику Грязнову за разрешением выдать деньги в счёт оплаты за работу».

В первый раз пугачёвцы непосредственно появились в Кыштыме 2 января 1774 года, когда было уже темно. «Сделался превеликий людский шум и крики, – сообщал в рапорте Екатеринбургскому духовному правлению священник старейшей кыштымской церкви Сошествия Святого Духа на Апостолов отец Алексей. – На конторе стали бить в набат; по заводу гоняли и кричали: хватай, лови, – а кого, о том расслушать вскоре было невозможно. Вскоре после тревоги пришли в дом мой три человека из кыштымских жителей с ружьями, взяли меня и повели в контору, где мятежников собралась большая толпа; были тут и Тюменские майора Чубарова команды казаки, и кыштымские обыватели; при мне вычитали от имени самозванца Пугачёва без всякаго свидетельства письменный указ».

На попытки вразумить заводчан не верить смутным указам, те отвечали: «Мы-де Сената указов прежних не слушаем, а все учреждение будет новое». Пугачевцы, как и обещали, устраивали это новое «учреждение» – на заводах появлялись выборные мирские избы, велась четкая регламентация деятельности. Сыграно было и на чувствах староверов – по меньшей мере, им разрешили вести службу по старым книгам. Два с половиной месяца – с января по март – власть на Кыштымских заводах находилась в руках повстанцев.

Но бунт был обречен, а сдачу заводов ни кыштымцам, ни каслинцам не простили. Когда основные пугачевские части ушли с заводов, а башкиры, пользуясь ситуацией, развязали настоящую резню и пожгли все, что имелось, заводчане трижды обращались к стоящему неподалеку майору Гагрину с просьбой о помощи, но получали жестокий, но резонный ответ: «Зачем прежде мужики кормили татар хлебом? Умел и хлебом кормить, умей и защищаться от них».

Продажа заводов

Восстание принесло достаточно большие убытки Кыштымским заводам. Домны были разрушены, пострадали заводские плотины. Убытки Верхне-Кыштымского завода от разграб-

ления заводских припасов, имущества жителей заводского поселка составили 81 757 рублей. На плане завода 1775 года отмечено, что ларь вновь построен, восстановлены пильная мельница, две молотовыи фабрики по 4 и 6 горнов.

В ведомость убытков управляющим внесено полное уничтожение Нижне-Кыштымского завода, однако в последствие выяснилось, что кирпичные стены фабрик сохранились, горны после небольшого ремонта продолжили работу. Но Н. Н. Демидов требовал оплаты всех нанесенных восставшими убытков – выплаты 17 тысяч рублей. Он считал, что больший ущерб был нанесен не пугачевцами, а постоянно совершаемыми налетами башкирцев.

Граф Н. И. Панин в распоряжении правительства генерал-поручику А. В. Суворову от 19 апреля 1775 года писал: «Принять предосторожности, в особенности в весеннее время, предостеречь еще капитулярных на заводах людей, так как в государстве эти люди составляют значительный капитал... Мясниковых, Петровых, Лугининых, Твердышевых и наипрелестнейше рекомендуемых к предостережению заводы с окрестностями дворянина Н. Н. Демидова, по соразмерности расставить лагеря и следить за башкирцами...»

Впрочем, дело не в башкирцах – дело в отношениях. Хозяин заводов Никита Никитич Демидов, для которого происшедшее было настоящим ударом, попросту не простил измены. До восстания Пугачёва, Демидов жил на заводах, сам управлял и входил во все тонкости хозяйственной жизни. А теперь заводы были разрушены и разграблены, погибло много рабочих людей, в том числе женщин и детей. Нижнекыштымский завод был весь выжжен: «У фабрик остались одни только стены, потому что они деланы из кирпича... На Верхнем Кыштыме... фабрики всё строение цело».

Это мало утешило Никиту Никитича. До сих пор обустроивавший завод и поселок, самолично закладывавший школы и больницы, после восстания он окончательно перебрался в Москву. С кыштымскими приказчиками он общался сугубо письменно. Причем чихвостил их безжалостно, на чем свет стоит и не скупясь в выражениях, требуя ежегодно отправлять с караванами не менее 300000 пудов железа, большая часть которого направлялась в порт Санкт-Петербурга и продавалась за границу.

20 декабря 1804 года в возрасте 76 лет Н. Н. Демидов скончался. Детей у него не было, поэтому по духовному завещанию он передал Кыштымские и Каслинский заводы племяннику – тайному советнику и кавалеру Петру Григорьевичу Демидову. За Никитой Никитичем после смерти числились долги на сумму 8368 рублей 92 копейки, которые отдавать должен был новый владелец. В 1809 году П. Г. Демидов продаст южноуральские заводы целиком вольскому купцу 1-й гильдии Л. И. Расторгуеву.

При продаже будет составлена ведомость с описанием основных объектов производства. В ней указано, что на заводе имеется доменная фабрика с двумя доменными печами с суточной выплавкой 325 пудов чугуна, три каменных фабрики с девятью действующими молотами при 18 горнах, два каменных здания, в которых размещены слесарная и столярная мастерские. Есть деревянный сарай для древесного угля, кирпичный сарай по хранению и изготовлению кирпича производительностью до 40000 штук в год, а также сарай-амбар для продовольствия вместимостью до 40000 пудов разного провианта. Наконец, в числе имущества значился большой каменный двухэтажный господский дом, так называемый «Белый дом» с садом и оранжереей.

Всего в Кыштыме было чуть более 800 домов. По ревизии 1795 года на заводе числилось 2151 душ мужского пола и 2375 душ женского. Из них в работах задействовано 1300 душ мужского пола. Вольнонаемных в зимнее время было до 500 человек. Приписных крестьян – 7048 душ. При заводе было 36 рудников, 400 заводских лошадей и 87 быков.

Этой описью, собственно, и завершается демидовская история Кыштыма...

Новые владельцы

Л. И. Расторгуев. «Кыштымское дело» на царском столе – восстание Клима Косолапова. Г. Ф. Зотов и П. Харитонов. Ефим Черепанов в Кыштыме. История строительства Белого дома. Тайны кыштымских подземелий.

Л. И. Расторгуев

Новый владелец – купец 1-ой гильдии Лев Иванович Расторгуев – был доволен сделкой и новым хозяйством. Под его начало перешло сразу несколько заводов: Каслинский, Шемахинский, Нязепетровский, два Кыштымских. Только в поселках Верхнего и Нижнего Кыштыма проживало 18 тысяч человек. Вместе с заводами ему были проданы села Рождественское, Воскресенское, Губернское, деревни Беспалово, Смолино, Григорьевка, Знаменская, Клеопинское, а также Сорокинская судовая пристань на реке Уфе.

Сам Расторгуев начинал мелким служащим в лавке вольского купца В. А. Злобина, державшего винные откупа, – и поднялся за счет торговли спиртным. Только на Среднем Урале Л. И. Расторгуев, откупив себе право торговли спиртным, открыл сразу 100 кабаков и нажил миллионное состояние, которое и вложил в Кыштымские заводы.

В 1810 году новокупленными заводами был получен правительственный заказ на выпуск ядер, бомб, картечи и гранат в связи с подготовкой к военным действиям против Наполеона.

Л. И. Расторгуев развернул дело с размахом, расширяя и модернизируя металлургическое производство. Свободные средства были – и не только за счет производства. Заводчик весьма умело обходил законы, занижая, как сказали бы сегодня, налогооблагаемую базу. Часть продукции оставалась неучтенной и продавалась контрабандно. Кроме того, Л. И. Расторгуев в обход строжайшего запрета правительства на добычу золота, что являлось государственной монополией, стал добывать его в районе таежной речки Сак-Елги. В 1812 году частным лицам все же разрешили добычу, но под строгим правительственным контролем и с обязательным налогом на прибыль. Но сколько золота прошло через руки Л. И. Расторгуева на самом деле, вряд ли кто сможет сказать.

Кстати, в том же 1812 году министру финансов было сообщено, что на Кыштымских заводах появились фальшивомонетки. Из Оренбургского губернского правления на заводы для секретного следствия был отправлен коллежский ассессор Угличинин. Ничего путного из этого следствия не вышло – но заводской исправник, как указано в донесении, «не допустил Угличинина до Кыштымских заводов и, быв в пьяном виде, оказывал ему разные грубости и обиды, а напоследок приказал взять его под караул, чрез что отнял у него средства к открытию виновных в выпуске фальшивых денег...»

Лев Расторгуев сделал особую ставку на старообрядцев – не только в силу своей личной причастности к раскольникам. Да, приобретя заводы, он прежде выстроил часовню в Каслинском заводе, а затем, в 1811 году, «профинансировал» старообрядческий монастырь на Сунгуле, который за четверть века стал одним из крупнейших центров на Урале. Но главный расчет оказался в другом – старообрядцы, как правило, были при деньгах, а потому всегда можно было воспользоваться старообрядческими торговыми капиталами в качестве ссуд. К тому же старообрядцы с их корпоративными связями на Севере, на Волге, в Сибири, в Москве на Рогожке

помогали сбывать уральское железо, в том числе и «неучтенное», и становились, таким образом, крупными оптовыми скупщиками.

Новый хозяин бывал в Кыштыме наездами, предпочитая жизнь в деловом Екатеринбурге, где на Вознесенской горке велось строительство большого расторгуевского дворца. Заводами управлял один из его родственников, и управлял слишком жестко. Определенной продолжительности рабочего дня не было установлено, и люди работали с раннего утра до позднего вечера. Нормы работ заранее выставлялись невыполнимые, приказчики налагали большие штрафы и применяли физические расправы. Кроме заводских работ крестьяне бесплатно поставляли для заводских лошадей по 10 пудов сена каждый, по 5 пудов хлеба с каждой посеянной десятины земли. Были и другие повинности. Стоит ли удивляться, что именно здесь вспыхнут волнения мастеровых людей, а само дело ляжет на царский стол.

«Кыштымское дело» на царском столе – восстание Клима Косолапова.

Хронологию кыштымских волнений восстановить легко – благо, сохранился и опубликован журнал Особого комитета, организованного Александром I для ведения политических следственных дел. Причина волнений на Кыштымских заводах Л. И. Расторгуева оказалась не слишком нова. В 1819 году разразилась засуха, и все Зауралье, главный поставщик хлеба, оказалось на грани голода. Не изменилось особо положение и в последующие два года. Хлебные запасы в заводских магазинах были исчерпаны, а купить зерно на рынке было не на что, так как зарплата заводским рабочим задерживалась сверх меры.

18 февраля 1822 года заводские крестьяне написали исправнику Каслинского и Кыштымских заводов прошение: «Находясь мы в ведении господина своего уже с давнего времени и поныне, по распоряжению конторы все возложенные на нас заводские работы выполняем в самой точности без отлагательства, за которые не только надлежащей платы, но и пайкового провианта в свое время не получаем, отчего доведены до крайней с семействами своими бедности...»

Прощение осталось без ответа, и спустя полмесяца, в начале марта 1822 года кыштымские мастеровые, оставив самовольно заводские работы, явились в Екатеринбург с жалобой. Горное правление, нужно сказать, признало справедливость требований мастеровых и приняло дело к рассмотрению.

Дело рассматривалось по русскому обыкновению – долго и неповоротливо. 1 августа 1822 года Александр I утвердил Предписание, согласно которому, с одной стороны, заводчику Расторгуеву был поставлен «в непременною обязанность давать заводским людям такую за работу плату, чтобы они, невзирая на нынешнюю дороговизну, могли содержать и пропитывать себя с семействами безбедственно». С другой стороны, наказывались и ищущие справедливости мастеровые: «Главных зачинщиков своеволия /4 человека/ и неповиновения предать немедленно суду для поступления с ними по всей строгости законов. Остальных же затем 98 человек, следуя правилам полицейского исправления наказать... и водворить их с семействами на казенных Богословских заводах».

Это распоряжение о переселении и стало причиной активного возмущения рабочих. Как только в начале декабря для выполнения предписания прибыли в завод заседатель земского суда, заводской исправник, поручик этапной команды и отряд казаков, «мастеровые в многочисленности собрались перед заводскою конторою, имея под полами куски чугуна и камня». Ситуация вышла из-под контроля сразу же. Заводской исправник Щедров был немедленно арестован, следом за ним под «крепкий караул» попали статский советник Федоровский и подполковник горной инвалидной команды князь Ураков. Руководила всем заводским неповиновением «мирская изба» под началом «главного зачинщика возмущения» Климентия Косолапова, «бойкого говоруна», как он назван в следственном деле, который, к тому же, пригрозил

властям, что «под распоряжением своим имеет уже до 8 тысяч человек, а к обороне бунтующих собираются им разные орудия».

А вообще Клим Косолапов – личность для Кыштыма легендарная. Он был одним из первых ярких предпринимателей: торговал кыштымским железом на Троицкой ярмарке. Хотя сам «числился» кузнецом в приписных-крепостных работниках. В самом Кыштыме у него была лавка, и торговля шла бойко – к зависти других. Когда в 1820 году лавку обокрали, сумма ущерба составила 1512 рублей – неподъемные средства для рабочего-кузнеца.

Косолапов принадлежал к мелкой буржуазии, которая пыталась откупиться от заводских работ деньгами, а её принуждали нести феодальные повинности. Одно время Косолапов пытался перейти на службу в казенное ведомство и даже направил прошение царю. Это не увенчалось успехом. Вдобавок Лев Расторгуев, владелец завода, «давил» Клима Фомича все сильнее – торговый конкурент раздражал его напористостью в коммерции. В итоге Клим Косолапов и его брат Архип включились в 1822 году в кыштымское восстание.

На подавление открытого и организованного бунта «рабочих людей» в войсках не скупилась. 6 февраля 1823 года прибыл Троицкий гарнизонный батальон численностью в 1000 казаков, следом за ним на Каслинский и Кыштымский заводы прибыли отряды из Перми и Верхнеуральска. Мятежные крестьяне были усмирены – кто наказан палками, кто плетьюми. Самого Клима Фомича заковали в кандалы и отправили в Екатеринбургский острог, откуда он, кстати, бежал и даже скрылся в горах; но был застрелен при попытке его задержания. В память о первой «мирской избе» и ее руководителе одна из улиц Кыштыма носит имя Клима Косолапова...

Г. Ф. Зотов и П. Харитонов

Волнения на заводах стоили очень дорого и самому заводовладельцу – Льву Расторгуеву – он скончался 10 февраля 1823 года в Екатеринбурге от апоплексического удара. Когда восстали голодные крестьяне, Расторгуев как раз получил известия об открытии в его заводских дачах приисков, богатых золотом. Заводчик рассудил просто: пусть государево начальство и военная команда сначала усмирят рабочих, а потом будет видно.

Несколько иную причину смерти Расторгуева указывает в своих книгах по истории Кыштымских заводов Григорий Щербаков: «Намыв несколько пудов золотого песка (с открытых Соймановских приисков), Расторгуев помчался с ними в Екатеринбург ошеломить своим богатством свата Григория Зотова. После бесшабашной попойки, придя в себя, он обнаружил, что вместо золотого в мешок насыпан обыкновенный речной песок. Так сват „подшутил“ над своим родственником. Расторгуев не смог перенести этой „шутки“ и скоропостижно скончался».

Судя по архивным документам, за Львом Расторгуевым было неплохое богатство. К примеру, в 1823 году на Верхне-Кыштымском было выплавлено и выделано железа под сто тысяч пудов, на Нижне-Кыштымском – 36647 пудов. На Соймоновских золотых приисках, открытых в сентябре 1823 года, была построена золотопромывальная фабрика. В это же время были открыты Мариинский, Чернореченский, Березовский, Сугомацкий, Петромашкинский, Екатеринбургский, Согурский, Богородицкий, Александровский, Елизаветинский, Аннинский, Светлоозерский и Предтеченский прииски. На всех приисках за два-три года «было получено 44 пуда 25 фунтов золота».

При таком широком размахе золотодобычи не хватало рабочих рук на заводах. Заводской исправник доносил в Горный департамент: «Золотой промысел наследник купца Расторгуева разделяется на два отделения: Каслинское и Кыштымское. Предполагается ежегодная добыча золота от 30 до 35 пудов. Промывка золота ведется в две смены: дневная и ночная. При промывке песком участвуют и девки, не моложе 15 лет».

После смерти Л. И. Расторгуева все это богатство перешло жене Анне Федотовне и двум дочерям, которые в свое время вышли замуж: Мария – за Петра Харитонов, а Екатерина – за Александра Зотова. После восстания мастеровых в 1822—23 годах заводы были взяты под казенный надзор и определен соответствующий чиновник. Однако отец Александра Зотова Григорий Федотович с помощью солидной взятки добился должности попечителя Кыштымских заводов, став управителем заводов, а по существу – единовластным хозяином: с 1823 по 1837 годы.

Он сразу же переехал из Екатеринбурга на Кыштымский завод и стал хозяином всего богатства дочерей Расторгуевых. Ни Петр Харитонов, ни Александр Зотов не вмешивались в управление заводскими делами. А их Григорий Зотов знал отлично, на зубок. Он сам начинал простым кричным мастером, крепостным, а затем дошел до управляющего Верх-Исетскими заводами Яковлева в Екатеринбурге, принеся своему хозяину прибыль в три миллиона рублей в год, за что и получил вольную – после чего и породнился с Расторгуевыми.

Григорий Зотов во многом выправил положение на заводах и даже добился возвращения их в частное владение. Для заводского люда это стоило очень дорого – жестокость по отношению к ним оказалась даже большей, чем прежде, и за Зотовым, с легкой руки писателя Е. А. Федорова закрепилось прозвище «кыштымского зверя».

Впрочем, у Зотова был, хотя и очень недолгое время, всемогущий покровитель – Александр I, приехавший осенью 1824 года в Екатеринбург и остановившийся в великолепном доме Расторгуева. Зотов имел высочайшую аудиенцию, причем, длилась она с «нарушением регламента» для таких встреч и для таких персон – слишком долго: более полутора часов. «В завершении разговора император как об этом сообщил Зотов, простил и повелел возвратить на расторгуевские заводы выселенных за волнения 90 человек заводских людей взамен на его, Зотова, поручительство «за доброе поведение этих несчастных, которые по возвращении всю жизнь будут благословлять имя великого нашего Монарха».

Неприятности у Г. Ф. Зотова начнутся уже при новом императоре Николае I – следственное дело по кыштымским волнениям было возобновлено. В Кыштым приехал флигель-адъютант царя полковник граф А. С. Строганов, провел целый ряд допросов, на которых мастеровые Кыштымских заводов показали, что и управляющий, и его приближенные «жестоко наказывают, и за маловажные проступки секут розгами и кнутьями, бьют по лицу, топчут и содержат в железках по нескольку недель». Граф «снял» и следы побоев – засохшие черные полосы и рубцы на спинах. Итогом стал акт от 13 сентября 1827 года, который граф Строганов представил в Петербурге:

«По смерти Расторгуева Зотов, угнетавший прежде заводских людей г. Яковлева, принял за наследников первое управление заводами в виде попечителя, не имея, впрочем законной и гласной доверенности... Со временем управления Зотова Расторгуевскими заводами весьма усилена добыча золота и усовершенствована выплавка железа, но не заведением новых машин или особенными средствами, а несоразмерным усилением работ, жестокостями и тиранством... Главным театром жестокости и притеснений служат золотые промысла (Соймоновские), где даже было заведено кладбище для скоропостижно умерших...»

Вывод был неутешителен: «Нигде не заметно следа отеческого христианского попечения о благосостоянии людей, которых здесь можно смело сравнить по скудным платам за работы с каторжными, а по изнурениям – с неграми африканских берегов...»

Впрочем, Харитонову и Зотову ставилось в вину не только жестокое обращение с рабочими, хищение золота, убийство беглых и прочие преступления. Продолжение следствия по Кыштымским заводам было обусловлено новой правительственной акцией – искоренением раскола. После восстания декабристов в 1825 году власти видели в раскольниках реальную политическую угрозу. Кыштымские управители Зотов и Харитонов принадлежали к расколу. Вспоминают, что, «когда тянулось их дело, то из Перми приезжали даже губернатор и архиерей

сговаривать их перейти в единоверие, обещая прекращение процесса. Но уговоры не подействовали».

По распоряжению Николая I и тот, и другой в 1837 году были сосланы в Финляндию в город Кексгольм. Официальное обвинение оставалось прежним – за жестокость. Следом за этим последовал и разгром старообрядческих часовен, и гонения на самих старообрядцев. Вскоре Кыштымские и Каслинский заводы перейдут в государственное управление, что и станет итоговой точкой этого почти пятнадцатилетнего следственного дела.

Ефим Черепанов в Кыштыме

На таком историческом фоне в Кыштыме в середине 1830-х годов появится человек, чье имя всегда считалось прерогативой Нижне-Тагильского металлургического куста и предметом его особой гордости, – уникальный инженер-самоучка Ефим Черепанов.

В фондах Демидовского музея-заповедника Нижнего Тагила была найдена копия письма Главного Начальника Горных заводов Хребта Уральского к министру финансов от 30 сентября 1832 года о награждении Ефима Черепанова золотой медалью. Самое интересное в этом письме то, что известнейший на Урале механик Черепанов, оказывается, устанавливал одну из своих паровых машин в том числе на Верхне-Кыштымском заводе.

«... При обозрении заводов Хребта Уральского, я удостоверился, что везде на Урале крайне чувствителен недостаток в хороших мастерах по механической части. Но с тем вместе встречаются и отлично искуснаго в практической механике заводского служителя, Г.г. наследников Тайного Советника Демидова, Ефима Черепанова. Особенных склонности и способности его к разным ремеслам и преимущественно к механике замечены были в нем еще с самого детства... В 1820 г. он, для практики отправлен был Демидовым в Англию, а в 1825 г. послан был в Швецию.

Возвратясь оттуда на Уральские заводы, он в особенности доказал здесь свое искусство, устройством паровых машин. Первую устроил он в малом виде, при Нижнетагильском заводе; ... другая при меднорудяном руднике, того же завода; третья тут же, в силу 40 лошадей, и четвертая в Кыштымском заводе наследниц Расторгуева, для вновь открытого медного рудника, в силу 30 лошадей...»

В архивных документах указывалось, что «администрация кыштымского завода Расторгуевых, видимо, решившая после волнений рабочих людей в 20-е года более серьезно заняться вопросом улучшения заводской техники, обратились к администрации Нижне-Тагильских заводов с просьбой построить паровой двигатель для откачки воды из рудников...»

Паровая машина была установлена, по некоторым данным, на медном руднике Сак-Элгинского медеплавильного завода, вступившего в строй в 1837 году. Машина откачивала воду из двух шахт. В одном из «определений» заводской конторы за 1838 год говорится о применении парового двигателя «для откачки воды из двух шахт «по примеру тому, как ныне сделано в Кыштымских заводах при машине Черепановыми же устроенной...»

Ефим Черепанов застал уже основательно разросшийся город. Согласно документам XIX века в Кыштыме «домов обывательских деревянных при заводах Верхнем – 639, Нижнем – 83, селе Рождественском с деревнями – 405. Жителей во всех сих селениях мужского пола 2810, женского 3038». Отмечалось также, что «при Верхне-Кыштымском заводе для обучения детей имеется школа, в ней учителей 1, учеников 19. При оном же заводе церковь о двух этажей каменная...»

История строительства Белого дома

С именами первых заводчиков неразрывно связана история знаменитого символа Кыштыма – усадьбы Белый дом, которая будет «построена дважды».

Первые упоминания об усадьбе заводладельцев Демидовых встречаются в ведомости, составленной в Кыштымской заводской конторе 4 ноября 1762 года: «... Дом господский о двух апартаментах складен собственными ж господина Демидова крестьянами из камня и кирпича в коем имеется 18 покоев. Покрыт сверху деревянным тесом, токмо внутри тех покоев еще совершенно недоделано. Около того дому двор, вокруг обнесен каменною стеною...»

Как видно из записи, Никита Никитич-младший, наученный пожаром на заводах, строил дом основательно. Но как внешне выглядела усадьба первоначально?

– В свое время каслинский исследователь В. М. Свистунов обнаружил в одном из дел Российского государственного Архива древних актов план и фасад первого каменного демидовского дома в Верхне-Кыштымском заводе, – рассказывает историк Г. Х. Самигулов. – Это было двухэтажное здание в стиле барокко. В оформлении фасадов дома использовался металл – чугунные колонны и балконные решетки со стороны двора, чугунные пилястры и решетки, имитирующие балконные ограждения, со стороны пруда, а также облицовка чугунными плитами верхнего края цоколя здания. Это была своего рода визитная карточка Демидовых – например, чугунная наружная терраса и чугунные лестницы, ведущие в сад, стали важной деталью оформления двухэтажного дворца Г. А. Демидова в Санкт-Петербурге.

Кыштымская усадьба тоже имела свою «статусность», что подтверждал путешественник и натуралист И. И. Лепехин, который посетил Кыштымские заводы в 1770 году. В своих заметках он писал, что «на берегу пруда возвышается двухэтажный каменный господский дом, обращенный лицом к пруду с оранжереей и садом», каменный забор замыкает комплекс в единое целое, а вершины башен венчают металлические флюгера в виде верблюдов – символа торговли. Господский дом отметит в своих заметках и П. С. Паллас.

Новые владельцы Кыштымских заводов – Расторгуев и Зотов – сочли усадьбу «скромной» и, затеяв капитальную реконструкцию, развернулись в полную силу, предпочтя классический стиль, который господствовал тогда в архитектуре. После перестройки значительно увеличилась площадь особняка: дом стал на этаж выше, расширился, к южному и северному фасадам были пристроены ризалиты, над центральной частью появился мезонин. Усадьбу украсили колонны и лепнина на фасадах.

Об этом памятнике архитектуры написано немало, но по-прежнему «белым пятном» остается имя автора. Дело в том, что пожар 1830 года уничтожил все документы, способные поведать правду. Ученые называют нескольких зодчих, причастных к рождению кыштымского шедевра. Так, по мнению искусствоведа М. Зыковой, его замысел мог принадлежать «архитектурному ученику» кыштымского завода тех лет Блинову-Михайлову или хорошо известному на Урале выпускнику императорской академии художеств зодчему Чеботаеву.

Бывший директор Кыштымского музея Любовь Михайловна Кузнецова называет имя зодчего Матвея Казакова: «Он много строил по заказу Демидовых в Москве. Вполне возможно, что кыштымский дом проектировал кто-либо из учеников Казакова, используя его работы в качестве аналогов. В ряде построек на Урале прослеживается именно казаковский стиль».

Наконец, существует легенда, что новый дом строился по замыслу и чертежам неизвестного архитектора-каторжника, сосланного за критику царской власти, которого Лев Расторгуев, якобы за большую взятку, вызволил из острога для составления проекта и строительства дворца. После окончания работ зодчего снова отправили в Тобольскую тюрьму, хотя ему было обещано досрочное освобождение.

Зато в отношении человека, который уже завершал реконструкцию Белого дома, придав ему тот вид, который дошел до наших дней, мнения исследователей сходятся. Им был известный архитектор Михаил Малахов, выстроивший половину екатеринбургских особняков – воз-

можно, он и «доводил до ума» прежнюю демидовскую усадьбу по аналогии с усадьбой Харитоновых-Расторгуевых в Екатеринбурге.

Об этом рассказывал А. М. Раскин в книге «Уральский архитектор Михаил Павлович Малахов»: «Перешедший к Расторгуеву Кыштымский завод с расположенной рядом усадьбой реконструировался Малаховым одновременно с казенным Каменским заводом. Коренной реконструкции и достройке подвергся главный дом усадьбы – Белый дом, а главные корпуса возведены заново. Между главным домом екатеринбургской усадьбы и Белым домом немало общего. Четырехколонные портики их боковых фасадов почти идентичны, очень близки по пропорциям аркады над центральными портиками. Многие формы Белого дома роднят его и с другими малаховскими постройками, в которых использованы любимые мотивы: двухчастные антаблементы, ступенчатые аттики портиков, лучковые арки, невысокий парапет над карнизом, на который опирается кровля. Ясно, что своим обликом Белый дом обязан Малахову. От старой постройки сохранились, по-видимому, лишь стены первых двух этажей. Третий этаж и мезонин над ним за портиком – уже малаховские. Относительно недавно были разрушены оставленные Малаховым без изменений фланкирующие парадный двор старые постройки с башнями, придававшими всей композиции торжественный характер...»

Впрочем, в истории реконструкции есть еще одна загадка, на которую указывает уральский исследователь В. М. Слукин. Новые хозяева, перекраивая особняк, практически не тронули дворцовые службы – например, оставили башни, фланкировавшие дом, и старое строение под хранение продуктов, которое называли лабазом – большой деревянный «сарай», долгое время напоминавший о Демидовых. Суть в том, что под демидовскими строениями были подземные тайники – вещь весьма ценная и полезная. Расторгуев, а за ним и Зотов не только сохраняют и приведут тайники в порядок, но и добавляют свои подземелья...

Тайны кыштымских подземелий

Новые владельцы, действительно, добавляют в колорит Белого дома немало черных красок – вся усадьба будет пронизана сетью подземелий: от флигелей-башенок к центральному зданию и заводским цехам. Рассказывают, что подземные ходы сохранились и под заводским прудом, но как попасть в них – никто не знает.

В. М. Слукин в книге «Тайны уральских подземелий» рассказывал, что подвалы Белого дома и его служб имели массивные стены, обложенные кирпичом. В местах, где пол подвала понижался, открывались подземные переходы. В частности, из господского дома подземелья тянулись к башням и заводскому пруду. Ходы были выложены массивной кладкой из красного кирпича в человеческий рост и имели цилиндрические своды.

Любители подземных приключений, попадая в подвалы под демидовскими «сараями», наткнулись на разные инструменты, горняцкие каелки, ветхое тряпье, кости, или на вросшие в землю обрубки мощных стволов с железными кольцами, намертво вделанными в дерево. Как указывает исследователь, тяжелое бревно с ввернутым кольцом – одно из немногих сохранившихся орудий пыток. «В глубоком подвале Белого дома (как знать, может быть, двухэтажном) жертвы сидели на цепях, дожидаясь своей участи. В кряжистой башне у пруда в подвалах с мощными цилиндрическими сводами была главная пыточная. Отсюда живыми не выходили, а мертвых, зашитых в рогожные кули, бросали в люк. По особому желобу скользили страшные рогожные кули в воду...»

Причины «попадания в подвал» могли быть самыми разными, и объяснять все лишь самодурством заводчиков – значит, подпитывать миф о «кыштымском звере». У каждого времени своя жестокость. Еще со времен Демидовых ловили и сажали на цепь, к примеру, рудознатцев, работавших на «чужих», чтобы выведать тайны месторождений. Позднее к ним доба-

вились лица, подозреваемые в промышленном шпионаже в пользу конкурентов. В подземелья попадали и реальные преступники, и тем более отступники от дела, которые «много знали».

О наличии целой системы подземных ходов говорит известный спелеоархеолог Владимир Юрин. Например, есть предание о том, что заводчик Григорий Зотов мог неожиданно-негаданно появляться из усадьбы прямо на заводе – словно из-под земли выростал. Уже в наше время во дворе усадьбы наметились и появились крупные провалы – а это прямое доказательство существования подземных полостей.

Кстати, подземелья далеко не всегда «пропитывались духом кыштымского зверя», хотя мрачность свою не потеряли. Часть из них носила чисто прагматический, утилитарный характер. Например, под центральной площадью были устроены подземные каменные «амбары», где купцы и крестьяне, торговавшие на площади, могли хранить свой товар. Ныне амбары-холодильники закрыты, но вполне возможно, что в свое время они соединялись с подземными ходами под самой усадьбой.

Уже после суда над Зотовым и Харитоновым появилась легенда, что в тайных подвалах (и показывали на подвалы демидовских «сараев») заводчики завели чеканку фальшивой монеты и держали там взаперти на цепях опытных фальшивомонетчиков. Естественно, свидетели в таких делах не приветствовались...

Кыштымский крест Старейший храм Сошествия Святого Духа на Апостолов (1765). Испытания и освящения. Свято-Троицкая церковь (1848). Храм Рождества Христово или Христорождественский храм (1857). Службы и голос. Церковь Николая Чудотворца (1896). Судьба настоятеля: Николай Ляпустин. Кыштым старообрядческий.

Старейший храм Сошествия Святого Духа на Апостолов (1765)

В рассказах о духовной истории Кыштыма чаще всего используется образное сочетание: «Кыштымский крест». Именно его, если смотреть с высоты птичьего полета, образуют четыре православных храма – едва соединишь их прямыми линиями. У каждого храма сложилась своя судьба, но история города целиком прочитывается лишь в старейшем храме Сошествия Святого Духа на Апостолов, архитектурном памятнике XVIII века. Горожане до сих пор называют ее просто: «Старая церковь».

Если верить одной красивой легенде, то храм окажется старше города на два года. В 1755 году, спустившись с горы Егоза, осмотрев окрестности и начало строительства завода, Никита Никитович Демидов отобедал на острове и сказал: «Пусть народ ведает, где Никита обедает! Построить здесь храм!» Впрочем, отступлений от горнозаводской традиции в этом нет – как правило, одновременно со строительством завода закладывался камень в фундамент будущего храма.

Отступление будет в другом. «Церковь была заложена не в центре поселения и не на горке на краю заводской слободы, а на острове посреди пруда, – пишет историк Г. Х. Самигулов. – Это было совершенно нестандартное решение – мне неизвестно больше ни одного случая, когда бы церковь или мечеть были отделены от поселения водным пространством. Сложно сказать, чем руководствовались Демидовы, принимая решение о таком размещении храма...».

Ученый приводит еще одну легенду о том, что якобы Никита Никитич с семьей гулял на острове, когда его застала страшная буря, и он дал обет, что если они спасутся, то поставит на острове храм. При этом непонятно, что вообще могло заставить его взять семью не то что на остров посреди заводского пруда, а вообще на Кыштымский завод. К тому же места непокойные: только-только прошло восстание башкир...

Тем не менее, строительные работы на означенном месте закипели сразу же. Бутовый камень везли с Кыштымского и Сугомакского рудников – благо, его после вскрышных работ накопилось много. В 1758 году уже Никита Никитич-младший принимал храмовых мастеров. Архитектурный проект был выбран не совсем обычный. «Церковь строили с размахом: в два этажа, кирпично-каменную. Кирпичи, камни, раствор – все доставлялось наверх вручную или с помощью простейших лебедок. Для глухой провинции церковь получилась на редкость нарядной и величавой. Каждый апартамент получил свое имя: верхний этаж – в честь Сошествия Святого Духа, а нижний стал называться во имя Усекновения главы пророка и Крестителя Господня Иоанна Предтечи». Необычность была в том, что верхний этаж храма не отапливался, и службы там велись в летний период. Зато нижний – небольшой и теплый – действовал круглый год. Сегодня в восстановленном храме эта особенность сохранилась.

Церковь выстроили очень быстро по тем меркам. Отчасти средства вкладывались заводчиками, но в основном собирались жителями заводского поселка. В 1764 году строительство завершилось, внутри ее расписали богомазы Богатыревы. Как указывает кыштымский краевед Борис Мещеряков на основании архивных документов, храм освятил протоиерей Екатеринбургский Федор Кочнев в день преподобных Парфения и Луки 7 февраля (по новому стилю – 20 февраля) 1765 года.

Остается только удивляться, как смогли наши предки в полторы тысячи душ (а именно столько по сведениям местного притча числилось в Кыштыме жителей в 1760—1765 годах) всего за пять лет построить такой величественный храм. Церковь Сошествия Святого Духа на Апостолов впечатляла и современников, и потомков. На Южном Урале это второй по времени создания каменный храм – старше него только Уйский (Троицкий) собор в Троицке. К тому же он один из немногих храмов, выстроенных в стиле барокко, практически не подвергшийся перестройке. Зато испытаний в его истории будет немало...

Испытания и освящения

Свое первое суровое испытание храм переживает в годы пугачевского бунта. В январе 1774 года разноязычные повстанцы прорвались через деревянные стены, окружавшие Верхне-Кыштымский завод. Сохранилось предание о том, что во время захвата церкви, староста храма Ефим Норкин взобрался на колокольню и ударил в набат, за что его сбросили с колокольни. Затем пугачевцы раскинули вокруг храма лагерь, запускали вовнутрь коней и жгли костры, оборвали золотые и серебряные ризы со святых икон, а некоторые иконы прокололи копьями.

Уникальные «кыштымские свидетельства» сохранились в летописи «К истории Пугачёвского бунта», напечатанной в 1894 году в журнале «Екатеринбургские епархиальные ведомости». В ней указано и имя священника, служившего в кыштымской церкви в дни бунта, – это Алексей Горных.

Из рапорта отца Алексея Екатеринбургскому духовному правлению следует, что кыштымцы «сдались бунтовщикам... и находились в злодействе с 3-го Января по 15-е Марта», до приезда подполковника Лазарева, который «...вторично всех жителей обязал присягою, чтоб в верности служить всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне». После отъезда Лазарева в Каслинский завод «башкирцы в числе 50 человек начали грабить имение обывателей и отгонять их скот; потом подъехали к церкви, у трапезы разбили двери, изрубили сундуки и взяли 450 рублей ассигнациями». Как значится в рапорте священника, на другой день, 22 марта 1774 года, на рассвете, повстанцы опять приехали в Кыштым: «...Обступили церковь и стали разбивать двери и окна; ворвавшись в церковь, трапезника закололи до смерти. В то самое время, как они чинили грабёж в церкви, из Каслей пришла лёгкая команда и вступила с ними в бой... Сражение было великое, и убито, и ранено с обеих сторон не малое число...

Священник приводит подробный перечень украденных предметов, из которого следует, что «богослужебной утварью церковь была достаточна». «Из обеих церквей – нижней и верхней – унесено даже до одной вещи, кроме святых образов и то, которые на деревянных досках писаны, а медные и серебряные – все увезены; престолы и жертвенники обобраны же; исповедные росписи всех годов, также и все метрики башкирцы изодрали на мелкие части. Вблизи церкви шесть жилых дворов злодеями были сожжены, а хозяева ещё до нападения выбрались в завод».

После отступления пугачевцев потребовался целый год, чтобы навести в храме порядок и восстановить его. 1 февраля 1775 года его повторно освятил протоиерей Власий Коровицкий. Случилось это накануне двенадцатого праздника Православной церкви, называемого Сретение Господне, который символизирует встречу человека с Богом.

Второе испытание выпадет уже на революционные и советские годы. «Большевицкий поход» против церкви начнется уже в годы гражданской войны. В списке новомучеников и исповедников российских будут имена кыштымских священников, служивших в Духосошествиевской церкви в начале XX века: отца Александра (Сидорова) и отца Константина (Алексеева), расстрелянных большевиками в Зауралье в 1918 году...

Позднее, на рубеже 1920-30-х годов, на волне воинствующего атеизма церковь закрыли и разграбили (благо, что не взорвали, как это происходило со многими другими храмами). Затем здесь размещались склады, типография, кинопрокат и городской музей. Храм ветшал – проржавели купола, осыпалась штукатурка, сгнили полы. В 1993 году, когда по распоряжению Президента России началась передача бывших храмов религиозным организациям, появилась надежда на восстановление Свято-Духосошествиевской церкви. Новой вехой в ее истории стал 2000 год, когда был зарегистрирован приход храма. В Кыштыме с благодарностью вспоминают первого настоятеля возрожденного храма отца Николая Гашкова (умер 3 сентября 2008 года), который прослужил в сане священника 50 лет. В декабре 2002 года митрополит Иов вновь окрестил храм – в третий раз за всю его историю.

За восстановление храма взялись сами прихожане во главе с отцом Николаем. Сначала отремонтировали и отреставрировали первый «теплый» этаж, в котором начались службы; затем работы пошли ввысь – на второй этаж и 44-метровую белоснежную колокольню, с которой Кыштым виден, как на ладони.

В августе 2015 года, к 250-летию старейшего храма, с фасада полностью были сняты строительные леса, а в ноябре 2015 года впервые за многие десятилетия по-над водой заводского пруда поплыл колокольный звон. На пожертвования прихожан было приобретено восемь колоколов, отлитых в Каменск-Уральском. Самый маленький весит шесть килограммов, а самый большой и громкий – Благовест – 700 килограммов. На одном из колоколов отлиты иконы кыштымских священномучеников. Исторически в храме было девять колоколов, и теперь очень важно собрать весь комплект: девятый колокол будет весом 2,5 тонны, около двух метров высотой и 1,5 метра в диаметре. А значит, спустя 80 лет к храму вернется его чистый голос...

Свято-Троицкая церковь (1848)

В истории Свято-Троицкой церкви на берегу заводского пруда также отразится судьба многих других российских храмов. Но есть и особенность – в Свято-Троицкой церкви изначально сказывался старообрядческий характер и драматическая история отношений староверов и властей. Как рассказывает в «Историческом очерке» уроженец Кыштыма, ученый и краевед Борис Михайлович Мещеряков, Свято-Троицкий приход официально был утвержден как единоверческий приход, то есть в него вошли верующие, отпавшие от православия, но потом пожелавшие оставить раскол и присоединиться к православной церкви на правах единоверия.

Построили храм в рекордно короткие сроки: в 1847—1849 годах при незначительных затратах заводских средств. В основном за счет прихожан по инициативе заводчиков Зотовых. Зотовы – сами выходцы из старообрядцев и предназначение нового храма понимали. Единоверческая церковь, по сути, защищала бывших староверов от притеснений, которые возобновились в эпоху Николая I – напуганный восстанием декабристов монарх видел в старообрядцах политическую угрозу. Возвращение в единоверие было вполне приемлемым компромиссом, хотя далеко не все староверы им воспользовались.

Это понимал и управляющий Тит Зотов, старовер, решивший построить новую церковь, – посчитал, что ему выгоднее сделаться единоверцем, вписаться в новый государственный политический «тренд».

Имя архитектора храма не известно. Скорее всего, Зотовы воспользовались готовым проектом – по епархиям как раз были разосланы рекомендации по строительству новых храмов,

к которым прилагались типовые чертежи. Типовой проект мог быть использован и в целях экономии.

В книге «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» содержится описание Троицкой церкви: «Храм каменный, трехпрестольный; правый придел в честь Богоявления Господня и левый – в честь Казанской иконы Божьей Матери. Главный храм и левый придел доселе не освящены. Правый придел в честь Богоявления Господня освящен 21 ноября 1894 года. Храмов доселе существует в своем первоначальном виде. К приходу принадлежат единоверцы села Губернского в 25 верстах, деревни Сак Элгинской в 30 верстах и Нижне-Кыштымского завода в 5 верстах, всего числится в приходе 673 душ мужского и 744 душ женского пола. Причта по штату положено: 1 священник и 1 псаломщик. Для священника имеется церковный дом».

Единоверческий характер Троицкой церкви не слишком притягивал прихожан. В 1911 году в Кыштым прибыл высокий церковный сановник – преосвященнейший епископ Екатеринбургский и Ирбитский Митрофан. Посетив Свято-Троицкую церковь, он писал в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях»: «Прихожане не отличаются особой любовью к посещению храма. Служение в единоверческих приходах для духовенства является своего рода подвигом. Особенно трудно живется священнику, по рождению и воспитанию своему происходящему из православной семьи. Незнакомый ни с духом единоверия, ни с той средой, среди которой ему предстоит совершать высокий подвиг пастырского служения. Но едва приходит новый священник, как сразу наталкивается на парящие в приходе раздоры, происходящие от разногласия и соблюдения тех или иных обычаев, зачастую нигде не записанных».

В годы советской власти Свято-Троицкая церковь не избежала участи других культовых сооружений – в начале 1930-х годов она была закрыта.

– В государственном архиве Екатеринбурга есть дело о закрытии церкви в Кыштыме, – рассказывает прихожанка храма Ольга Рудакова. – Любопытное дело, подшитое в рукописных вариантах, со стенограммами заседаний. По ним видно, что прихожане до последнего старались отстоять свой храм, даже направили письмо в адрес ВЦИК (Всесоюзный центральный исполнительный комитет), которое подписали 142 прихожанина с очень кыштымскими фамилиями: Норкины, Мыларшиковы, Юдины, Сырейшиковы. Увы, советские власти просьбу проигнорировали.

Здание некоторое время пустовало, а затем было передано механическому заводу. В архивных документах значится, что «в церкви должна разместиться столовая для литейного цеха», затем в ней сделали молодежное общежитие. В 1934 году там был организован клуб имени Кирова, в котором проходили торжественные заседания и был организован кинотеатр. Позднее в клубе организовался заводской музей.

От церковной утвари практически ничего не осталось – лишь чудом сохранилась чугунная плита с указанием даты постройки храма, которая сейчас хранится в музее Кыштымского машиностроительного завода. Надпись на ней гласит: «Сей камерный трехпрестольный единоверческий храм во имя живоначальной Троицы, богоявления Господня и Казанской Божьей матери заложен в лето от Рождества Христова 1847 октября и 5 день благополучного царствования императора Николая Павловича всея России по благословлению архиепископа Пермского и викария Ионы, епископа Екатеринбургского, священником Михаилом Копьёвым. Сей правый предел богоявления Господня освящен 1849 года ноября 21 день».

Также бытует легенда, что когда в 1935 году со звонницы снимали колокола, то один из них покотился по крутому берегу в воду – и до сих пор лежит на дне заводского пруда...

Следом были демонтированы купольные барабаны, и церковь совершенно изменила свой облик. В годы Великой Отечественной войны «храм-клуб» стал местом, откуда кыштымцы уходили на фронт. Здесь проходили сборы-проводы, играла солдатская гармонь, а затем, выстроившись в колонну, добровольцы шли на вокзал. После войны здесь кипела клубная

жизнь, девушки ходили на танцы. Работали всевозможные творческие кружки. Вот только, как вспоминает уроженка Кыштыма известная актриса Инга Оболдина, входили и выходили из клуба через место, где стоял алтарь, и теперь, восстанавливая храм, люди словно просят прощения и за это...

В кризисные 90-е годы, когда машиностроительный завод отказался от клуба, здание совершенно опустело, и в его стенах задул ветер. В 2004 году начались переговоры местных властей с епархией о возвращении здания православной церкви, а уже через год было совершено освящение и возвращение Свято-Троицкого храма. Появились и подвижники, поставившие своей целью восстановление храма: Александр Фадеев, Екатерина Алексеева, Ольга Рудикова, Ольга Сониная, Татьяна Сафонова и многие другие.

Весной 2013 года, накануне праздника Торжества Православия, состоялся молебен на начало всякого доброго дела у Свято-Троицкого храма. А уже осенью на церкви был установлен храмовый крест...

Храм Рождества Христова или Христорождественский храм (1857)

Одновременно со Свято-Троицкой единоверческой церковью в Кыштыме началось строительство еще одной церкви – большого Христорождественского храма, который и по сей день впечатляет своим величием и красотой.

В 1848 году для строительства храма жители выбрали самую высокую точку на Верхнем Кыштыме, с которой открывался живописный вид на усадьбу заводчиков, Верхне-Кыштымский пруд и синеющие вдали вершины Сугомака и Егозы. Строили новый храм быстро и с размахом – всего за девять лет, к 1857 году – к столетию Кыштыма – в небо на высоту 71 метр вознеслась колокольня, а двухэтажный храм общей площадью 2000 квадратных метров увенчал 50-метровый главный купол. Храм окружила чугунная решетка с красивым орнаментом.

– Вообще, удивительно, как без кранов, без какой-то особой техники сумели создать такую красоту, – говорит священник Христорождественского храма Михаил Чирков. – Строили профессионально, строили с молитвой, строили на века.

Исследователи отмечают, что двухапартаментных храмов, построенных в таком же стиле, в России всего шесть.

– Задумка строителей была такова, что храм вышел двухэтажным, – говорит настоятель храма Рождества Христова протоиерей Иоанн Сухов. – Нижний этаж задумывался как зимний, отапливаемый. Раньше здесь стояли печи, и богослужения совершались с осени, с праздника покрова Пресвятой Богородицы, и до поздней весны, до праздника святителя Николая Чудотворца. Второй этаж задумывался как летний. Сегодня богослужения на втором этаже проводятся нечасто: всего раз-два в год – верхний храм нуждается в ремонте.

К сожалению, установить имя архитектора не удалось. Есть предположение, что к его строительству косвенно был причастен легендарный человек, основоположник русско-византийского стиля Константин Тон, строивший Храм Христа Спасителя в Москве. В то время архитектор был в фаворе у императора Николая I. Чертежи Тона были рекомендованы епархиям в качестве типовых и уже на местах творчески осмысливались.

Несомненно, что храм Рождества Христова был и остается самым величественным во всем Кыштымском округе, соперничая лишь с храмом Вознесения Господня в Каслях. «Изыюминкой» проекта был верхний апартамент – Никольский предел на втором этаже с большим просторным залом и великолепной акустикой. Говорят, что предел строился по пропорциям Исаакиевского собора в Петербурге.

Вот как описывает строительство храма в своей книге «Про город Кыштым» известный писатель и журналист М. Аношкин: «Замыслили церковь строить и хозяева завода. Только денег пожалели. Решили проехать за счет рабочих людей. Поначалу вычитали с каждого

рубля полкопейки, а потом и по копейке. 10 лет строилась церковь, называлась она „новой“. Новую церковь видно почти из каждой точки города».

В отличие от строительства, внутренняя роспись собора двигались гораздо медленнее: основательному храму требовалась тщательная отделка. Настенная роспись нижнего этажа была завершена лишь в 1902 году. Сделанные по окончании работ надписи свидетельствуют, что «стенная живопись святых картин и орнаменты исполнены Московскою придворною художественною мастерскою Якова Ефимовича Епанечникова». Кстати, Яков Ефимович принадлежал к числу наиболее известных московских мастеров, исполнявших иконы, иконостасы и «живописные работы», был автором монументальных росписей в храмах Москвы и Подмосквья и имел звание «поставщик двора Его Императорского Величества».

На втором этаже тоже был иконостас, висели иконы, все было достаточно благочинно, но без такой нарядности и торжественности, как внизу. Расписать верхний предел до революции так и не успели.

Первоначально Христорожественская церковь была приписана к приходу Свято-Духосшествиевской церкви. И лишь в 1909 году был оформлен самостоятельный приход, численность которого превысила 8 тысяч человек. По свидетельству того же епископа Екатеринбургского и Ирбитского Митрофана внешний вид Христорожественского храма был великолепен. Высокие многоколонные стены, покрашенные белой известью, вместе с многочисленными блестящими окнами и огромными железными воротами устремлены ввысь. Ее посеребренные неярким октябрьским солнцем «луковицы» с большими крестами над колокольной словно парили над поселком. Прочная высокая железная ограда на каменном фундаменте, солидные ворота с западной и северной сторон, маленькие иконы над воротами – все это внушало прохожим «радостную лепоту» и «божию благодать»...

За чугунной решеткой храма таится загадка – здесь похоронен Александр Григорьевич Дружинин, сын одного из совладельцев Кыштымских заводов Григория Васильевича Дружинина. Известно, что у главы семьи было четыре сына и пять дочерей. Практически все Дружинины похоронены в Петербурге, а младший Александр нашел свое вечное пристанище в Кыштыме. Почему так произошло – установить не удалось...

Службы и голос

После революции Христорожественский храм пережил немало испытаний. В 1935 году он был закрыт. Чудом сохранились росписи и орнаменты нижнего предела. Часть икон прихожане уносили с собой, чтобы спрятать от поругания – на волне большевистского богоборчества над росписями святых издевались: выковыривали глаза, отбивали штукатурку, заливали краской.

Есть городская легенда, что когда решено было сбросить колокола, горком партии «призвал» девять молодых ребят с механического завода выполнить эту работу. Они справились – и колокола полетели на землю. Но потом все девять человек быстро ушли из жизни: кто-то спился, кто-то покончил с собой, а один отправился за грибами в лес и не вернулся. Родные искали три года, но безрезультатно...

Можно сказать, что Христорожественский храм от забвения «спасла» Великая Отечественная война и знаменитое обращение И. Сталина – «братья и сестры» – церковное по своей сути. Становилось очевидным, что кроме любви к Отечеству оружием Победы становилось духовное единение вокруг православной церкви. В суровые дни войны собор был вновь освящен и в нем начались службы, которые больше уже не прервутся...

Время берет свое, и старое величественное здание нуждается в постоянной заботе. Как рассказывает священник Михаил Чирков, многие росписи удалось обновить, чтобы они вновь засияли яркими красками. В храме есть немало удивительных вещей. Например, сохранилась

икона Успения Пресвятой Богородицы, в которую вкраплены часть мощей святых угодников, в том числе таких великих, как апостол Варфоломей, ученик Христа, или святой великомученик и целитель Пантелеймон.

Но для прихожан ценно и другое имя – отца Сергия, который был настоятелем Христо-рождественского храма четверть века. Его судьба сделала один, но решительный поворот – закончив техникум и отслужив в пограничных войсках, он неожиданно для многих выбрал духовное поприще и поступил в Московскую духовную семинарию. Затем в его жизни и душе обоснуется Кыштым. Рассказывают, что когда отец Сергий умер, огромное количество горожан пришло почтить его память, добром и теплом вспоминая любимого батюшку.

Уже в наше время на втором этаже храма появился небольшой музей, где собраны разные вещи церковного убранства, которые были в руках отца Сергия. Например, сохранились части послевоенного иконостаса – незатейливые, из дерева и фольги, но по-своему торжественные. Или обычные, жестяные венцы для совершения таинства венчания...

В 1990-е годы на колокольне Христо-рождественского храма были обновлены колокола – самый крупный из девяти колоколов был отлит в Воронеже. А в феврале 2015 года в собор Рождества Христова были привезены мощи Святой Матроны Московской – покровительницы семьи и брака, защитницы всего русского народа.

В начале лета 2016 года впервые за долгие годы в верхнем пределе прошли первые богослужения. А уже в сентябре произошло еще одно удивительное событие – в храме Рождества Христова с благотворительным концертом духовной музыки выступили сразу три хора: Архирейский хор Свято-Симеоновского кафедрального собора, церковный хор Свято-Троицкого храма и камерный хор Челябинской филармонии.

Храм не смог вместить всех желающих – настолько необычной была сама идея концерта. В итоге только от продажи билетов и пожертвований был собран почти миллион рублей. Еще столько же перечислила на ремонт храма «Русская медная компания». Уникальный подарок сделал почетный житель Кыштыма Виктор Пичугов – икону Преподобного Сергия, которая была написана в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и освящена у мощей Преподобного Сергия Радонежского.

– Зрители и слушатели были просто поражены невероятной акустикой верхнего предела храма Рождества Христова, которая словно преумножала голоса, – рассказывает глава Кыштымского городского округа Людмила Александровна Шеболаева. – Люди говорили, что когда наверху под занавес концерта все три хора вместе под колокольный перезвон грянули «Многая лета», в нижнем пределе сами собой зажглись свечи...

Церковь Николая Чудотворца (1896)

Церковь Святителя Николая Чудотворца, замкнувшая «кыштымский крест», является самой «молодой» в городе – ее освятили 5 мая 1896 года. До нее в поселке Нижне-Кыштымского завода – «в нижнем заводе» – была небольшая, вмещавшая двух-трех человек, но очень красивая часовня, своды которой были выложены мозаикой из цветного стекла.

К концу XIX века Нижний Кыштым основательно разросся: здесь проживало почти две с половиной тысячи человек – и без «христианского попечения!». Вопрос со строительством собственного храма, как говорится, назрел. Средства собирали и жители Нижнего Кыштыма, и владельцы завода. При выборе архитектурного проекта было решено взять не масштабом, а изяществом. Каменный пятиглавый однопрестольный храм с ярусной колокольней был выдержан в неорусском стиле, а венчали его необычные кресты, которые переливались всеми цветами радуги. Хитрость заключалась в том, что контуры крестов были выкованы из меди, а цент заполнен цветным стеклом. Украшением храма была великолепная кованая решетка на дверях.

В книге «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» дается подробное описание: «Приходский храм, каменный, одноэтажный и однопрестольный, построен на средства прихожан, при участии заводоуправления, освящен в 1896 г. во имя Святителя и Чудотворца Николая. В 1901 году на средства местного приходского попечительства вокруг храма устроена каменная ограда с чугунными столбами и проволочными решетками; в том же году стены храма промыты и вновь окрашены в бирюзовый цвет, иконостас позолочен и выкрашен; полы выкрашены, а стены храма снаружи обелены известью. На левом берегу заводского пруда, недалеко от церкви находится деревянная часовня в честь Святителя и Чудотворца Николая. Часовня эта очень древняя, но время ее постройки в точности неизвестно. В эту часовню, ежегодно 9 Мая, совершается крестный ход из храма. Причта по штату положено – 1 священник и 1 псаломщик. Всех прихожан числится – православных: 933 душ мужского пола и 986 душ женского пола».

В советские годы силами «воинствующих безбожников» церковь закрыли, купола сбросили, колокольню снесли. Здесь оборудовали спортивный зал, позднее перестроили в клуб имени Первого мая. В годы Великой Отечественной войны Никольский храм попытались снова открыть по примеру Христорождественского собора, но власти сочли, что для одного небольшого Кыштыма две действующие церкви – это перебор.

После войны в здании сначала располагался рабочий клуб, детская школа искусств, а затем, благодаря великолепной акустике, его стали использовать в качестве концертного зала и дворца бракосочетаний. В годы реформ здание оказалось без присмотра. Лишь в начале 1990-х годов стараниями медеэлектролитного завода начались ремонтные работы. По проекту архитектора А. Г. Бурова были восстановлены главы, оштукатурены и окрашены внутренние стены церкви. В настоящее время здание Никольского храма передано Русской православной церкви.

В 2004 году было решено восстановить историческую справедливость и придать церкви ее первоначальный облик. К реконструкции храма подошли основательно, подключив специалистов из Екатеринбурга и Челябинска, пытаясь максимально точно воссоздать исторический облик. Средства на реставрацию были выделены «Русской медной компанией» и ее директором Игорем Алексеевичем Алтушкиным.

– Старинные здания очень тяжело идут под реставрацию, – рассказывает настоятель храма отец Николай (Федотов). – Сегодняшние материалы и бывшие плохо стыкуются между собой. Поэтому каждый раз приходилось дорабатывать, доводить до идеала. Кстати, купола храма позолочены натуральным сусальным золотом.

Реставрация шла с учетом историко-археологических исследований В. Д. Оленькова: восстановлены купола, убранство фасадов и интерьеров, изящный чугунный декор ограждений лестниц, козырьков, ограды и ворот (проект архитектора А. В. Долгова). Сложнее всего было восстановить колокольню – под нее пришлось делать практически новый проект. Были отлиты семь колоколов, которые необходимы для всей полноты трезвона; среди них и праздничный 700-килограммовый колокол – Благовест – с иконой в честь Николая Чудотворца. Когда на колокольне завершились работы, оказалось, что среди прихожан нет звонаря. Пришлось обучаться у «соседей по кыштымскому кресту»: в храме Сошествия Святого Духа.

Освящение обновленного храма Николая Чудотворца состоялось на Пасху – 23 апреля 2006 года.

Судьба настоятеля: Николай Ляпустин

История Никольской церкви с момента ее образования до закрытия в советские годы тесно связана с судьбой ее первого и единственного настоятеля в XX веке – отца Николая Алексеевича Ляпустина.

В дореволюционной России православное священничество имело совершенно особый статус, характер, уклад. Как пишут исследователи, «изначально духовенство было нацелено на то, чтобы составлять основу интеллигенции провинции». Священников, как правило, отличала высокая культура чтения, они ставили перед собой просветительские задачи и стремились выйти из привычного круга занятий». Богослужение не мешало нести иную службу – воспитывать и учить будущее поколение. Отец Николай был одним из тех священников, который нес светоч веры и светоч знаний одновременно.

О нем известно немного. Он родился в 1864 году в семье священнослужителя Алексея Ивановича Ляпустина, был старшим из детей. Пошел по стопам отца – решил посвятить свою жизнь служению Богу, в 22 года окончил Пермскую духовную семинарию и приехал в Кыштым с молодой женой Марией Константиновной. Правда, своих детей у Ляпустиных не было, но в помощи сиротам отец Николай никогда не отказывал. Поэтому они и считали большой дом, где жили Ляпустины, своим, отеческим. Дом находился недалеко от церкви на Нижнем Кыштыме, сейчас на этом месте детский сад. Со всех сторон дом украшали тополя – три старых тополя сохранились до сих пор...

Отец Николай начинал он служить в Свято-Духосошествиевской церкви и уже там снискал уважение прихожан. Но основная его деятельность все же связана с Никольским храмом.

При церкви после ее освящения весной 1896 года практически сразу же открылись воскресная школа и школа для заводских детишек. В обязанности отца Николая входило преподавание Закона Божьего в школах при храме, и в целом контроль над обучением, с чем он справлялся с блеском. Подтверждением тому осталось свидетельство митрополита Митрофана, посетившего Кыштым в 1911 году с комиссией и написавшего подробнейшие отчеты об этом в «Епархиальных ведомостях». Школами при Никольском храме он остался доволен, а настоятелю дал отличную характеристику.

Размеренную приходскую жизнь Нижнего Кыштыма разрушат революционные катаклизмы, захлестнувшие Россию в начале XX века. Семье отца Николая пришлось нелегко. В 1923 году умерла его жена Мария Константиновна, а спустя несколько лет новая власть лишила пастыря крова. Священник вынужден был скитаться по квартирам, так как в их доме разместился клуб имени Первого мая. В 1934 году была закрыта и церковь Святителя Николая Чудотворца – в ней устроили спортивный зал.

Николаю Алексеевичу в те годы было уже за семьдесят, но в социалистическом государстве пенсия духовным лицам не полагалась. Чтобы не умереть с голода, он, скорее всего, тайно исполнял требы в домах бывших прихожан. Власти, ехидно улыбаясь, предлагали ему публично отречься от Бога, но отец Николай остался верен Православной Церкви.

Его последним местом службы стал Екатеринбургский Иоанно-Предтеченский собор, один из немногих действующих в те смутные времена Николай Алексеевич был призван на служение в 1936 году, а еще через несколько месяцев его не стало. Но и за это короткое время кыштымский священник отец Николай Ляпустин успел оставить по себе добрую память. Посему и был похоронен на территории храма, а в 2002 году на средства Епархии на его могиле поставлен памятный чугунный крест. Таких почестей удостоиваются лишь избранные...

Кыштым старообрядческий

В истории русской церкви раскол, произошедший в XVII веке в ходе реформ патриарха Никона, – одно из самых драматичных событий, сопряженное с множеством личных трагедий. Спасаясь от гонений, раскольники целыми общинами уходили в дремучие леса: сначала на Керженец, Ветлугу, Печеру, затем на Урал, Алтай, в Сибирь. На Урале старообрядческая «закваска» оказалась очень сильной. Заводчики, начиная с Демидовых, к раскольникам благоволили, защищая и пряча их от властей, вплетая в горнозаводской быт.

В книге «Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» (Екатеринбург, 1902) отмечалось, что «большинство прихожан были православного исповедания, но есть и раскольники-беглопоповцы. Раскол нашел здесь благоприятную почву, быстро привился и развился вследствие поощрения со стороны владельцев завода, которые и сами были коренные старообрядцы».

В Кыштым старообрядческие общины пришли с Выговской пустыни, где в свое время сложился наиболее умеренный в беспоповщине поморский толк староверов. Кыштымский писатель Рудольф Сырейщиков рассказывает, что одной из крупных общин была староверческая община Савина Зотова, облюбовавшая окрестности озера Улагач, где и сейчас можно найти остатки их первоначального поселения. Затем многие из раскольников перебрались в Кыштым, выстроив здесь добротные дома и обзаведясь крепким хозяйством.

Вообще, основная масса старообрядцев занималась вспомогательными заводскими производствами – куренные (заготовка угля), каменщики, плотники, кузнецы – и внезаводскими работами, главной из которых, конечно, была торговля. Купцы-старообрядцы целиком обеспечивали округ – хлебом, зерном, мануфактурой и прочим (кстати, именно старообрядцам принадлежала монополия на уральский кожевенный и салотопенный промыслы). Подряды эти были выгодны, да и освобождали горнопромышленников от лишних проблем.

Происхождение «скопческого капитала» и черты кержацкого быта хорошо известны. Например, староверы не баловали себя излишествами, воздерживаясь от табака и водки, – придерживали в руках копейку, которая со временем становилась полновесным рублем. Многие из раскольников-кержаков имели лесные заимки, где разводили пчел, занимались охотой, ловили рыбу – годы гонений научили во всем полагаться на свои силы. «Жили они большей частью независимо, старались ничего ни у кого не просить, – пишет Р. Сырейщиков. – Не надо-едали другим, обходились своим, порой очень скромным доходом от хозяйственной деятельности. Привыкнув заботиться о себе, они заготавливали впрок мясо, делали на своих маслобойках душистое сливочное масло, собирали цветочный мёд с лесной пасеки, клюкву, мочили бруснику в бочонках, выращивали овощи. В изобилии засаливали грибы в бочках, особенно грузди, хоть насаживай за раз по несколько штук на вилку...».

Молились старообрядцы чаще всего в своей общине на дому, к тому же выстроенная единовременная Свято-Троицкая церковь так и не стала центром примирения. Также Р. Сырейщиков упоминает, что в городе была своя раскольничья часовня, а единственное старообрядческое кладбище с крестами и камнями на могилах располагалось на Нижнем Кыштыме...

Старожилы говорят, что около Свято-Троицкой церкви тоже было старообрядческое кладбище, и вспоминают, что когда в 1946 году улица Красноармейская начала застраиваться, то при закладке фундаментов новых домов строители выкапывали скелеты и даже перезахоранивали их. То есть староверы жили не только на Нижнем Кыштыме, но и в районе нынешних улиц Урицкого, Швейкина и Володарского, а на последней располагался молельный дом, перестроенный сегодня под жильё. С 2014 года на улице Перевалочная база, 7 староверы своими силами стали возводить жилой дом с домовою часовней, и сегодня там уже творят молитву не только кыштымцы, но и верующие из других районов.

И еще одна деталь. С демидовских времён в Кыштыме укоренилась одна из ветвей старообрядчества – беспоповцы часовенного согласия. Исследователь В. М. Слукин упоминает кыштымский (Зотовых) женский старообрядческий скит на озере Амбаш и мужской скит на озере Сунгуль. В самом Кыштыме на месте бывшего автовокзала по улице Калинина, как указывает историк Борис Мещеряков, когда-то стояла их часовня Вознесения Господня, где совершались богослужения. Он также с сожалением констатировал, что тема кыштымского старообрядчества была и остаётся малоизученной страницей в истории города...

Становление горного округа Посреди XIX века. Дом Дружининых. Закомельские. «Новое слово» – эпоха П. М. Карпинского. Елка в Белом доме.

Посреди XIX века

К середине XIX века история Кыштыма словно притихла, устав от прежних скандалов и легенд. Но город притягивал и жил своей размеренной жизнью. Усадьба заводчиков на Верхнем Кыштыме – белая жемчужина среди синих прудов – словно концентрировала внимание. Она становилась не только центром местной заводской жизни: ее «управляющие полномочия» распространялись на десятки километров за пределами города.

Начало создания Кыштымского горного округа приходится на 1830—40 годы, когда в Пермской губернии было проведено так называемое «генеральное межевание». По его итогам были уточнены и зафиксированы в документах и топографических картах разукрупненные горные округа, размеры земельных и лесных владений казенных и частных заводов губернии.

Все заводы наследников Расторгуева объединили в Кыштымский горный округ с центром в поселке Верхнего Кыштымского завода. Общая земельная площадь округа составляла более 212147 десятин. Наследникам Расторгуева принадлежало 14 золотых приисков, 30 железных рудников и множество каменоломен. Кроме Кыштымских заводов в округ входили Каслинский, Нязепетровский, Шемахинский и другие заводы.

Вот только у наследников Зотовых-Харитоновых дела не ладились, подобно героям знаменитой басни И. А. Крылова. Дореволюционный исследователь Е. И. Рагозин в книге «Железо и уголь на Урале», в частности, отмечал: «Дела заводов долгое время были в упадке, совладельцы постоянно ссорились, доходя до таких курьезов, что заводами управляли одновременно три управляющих, по одному от каждой враждующей стороны...» Причем, все они имели равные права, и управляющий с одной стороны запросто мог отменить решение управляющего с другой. В итоге безвластия Кыштымский округ терпел значительные убытки. Ситуация станет исправляться лишь к середине 1880-х годов...

Дом Дружининых

«В управлении заводами должен быть свой человек», – резонно рассудила дочь наследница Льва Расторгуева Мария Львовна, выдав замуж в 1850 году свою дочь Ольгу Харитонову за полковника лейб-гвардии Московского полка Григория Васильевича Дружинина (1818—1889). По приезду в Кыштым зять энергично взялся за дело, но не столько горное, сколько финансовое, стараясь решать, в первую очередь, свои финансовые интересы в ущерб другим совладельцам. Столбовой дворянин, человек весьма небедный вследствие удачной женитьбы, он был ценителем искусства и страстным коллекционером бронзовой скульптуры, гравюры, фарфора, живописи, литья.

Любовь к искусству оказалась наследственной чертой. Его брат Александр Васильевич Дружинин был известным литературным критиком, писателем и переводчиком. Среди близких друзей: Иван Сергеевич Тургенев и русский художник Павел Андреевич Федотов. Сохранились написанные им портрет маслом матери Марии Павловны Дружининой, и акварель, на которой три брата Дружининых расположились за столом: Андрей, Григорий и Александр.

В Кыштыме сохранился деревянный дом четы Дружининых на острове рядом с церковью Сошествия Святого Духа на Апостолов. Даже не дом, а усадьба в окружении вековых лип, похожая на сказочный терем. В начале 1850-х годов Григорий Васильевич строил его «с пристрастием», основательно. Дом был рубленным – для венцов, как рассказывала газета «Кыштымский рабочий», были заготовлены массивные брёвна из лиственницы, выросших на высокогорье, – все одного диаметра, тщательного отёса, обработанные растворами от возгорания и жуков-вредителей. Дом был в два этажа с нарядным крыльцом и фигурными балясинами, поддерживающими крышу с резным карнизом. На окнах – массивные резные наличники в традиционном русском стиле.

К дому была пристроена теплая оранжерея – сооружение для тех времен диковинное; пристроена так, чтобы солнце освещало ее с восхода до заката. При усадьбе был большой двор с конюшнями и амбарами (это хорошо видно на старых фотографиях). Еще одна диковинка – глубокий подвал с отдельным входом и кирпичным дверным проемом. Ходили легенды, что это часть подземного хода, ведущего к Белому дому по дну заводского пруда. На деле все проще – это был ледник, в который зимой укладывали лед, чтобы летом сберечь продукты.

Кыштымская усадьба Дружининых со временем, естественно, менялась, но главное здание сохранилось – даже тяжелая дверь с латунной ручкой осталась на своем месте. После революции в разные годы здесь размещались городской исполнительный комитет, загс, детская музыкальная школа, а сегодня – станция детского и юношеского туризма и экскурсий «Странник» и музей старинного быта «Русская изба».

Кстати, именно Г. В. Дружинин делает первые экспозиции чугунного литья на международные выставки, а его коллекция станет началом кыштымского музея. Более тридцати лет он был, по сути, художественным руководителем Каслинского завода. После его смерти преемником стал его сын – коллежский советник, секретарь Императорского археологического общества, известный исследователь истории и культуры русского старообрядчества XVII-XIX веков – Василий Григорьевич Дружинин (1859—1936). Продолжая дело отца, он практически утроил коллекцию художественного литья.

А еще Василий Григорьевич был прекрасным фотографом. Его работы высоко оценил Д. И. Менделеев: «Между особенностями пребывания в Кыштыме считаю необходимым упомянуть о массе виденных там превосходнейших фотографий окрестных видов, мастерски снятых Василием Григорьевичем Дружининым... Места там искусно выбраны, и снимки так воспроизведены, что могли бы украсить каждое издание...» В 1930 году Василий Григорьевич будет арестован по так называемому делу «академиков» и выслан в Ростов-Ярославский. Перед смертью вернулся в Ленинград, где и умер в 1936 году.

Впрочем, возвращаясь в XIX век, заметим, что с Дружиниными будет связано еще одно значимое для Кыштыма имя. Григорий Васильевич, чувствуя нехватку знаний в горном деле, в 1887 году пригласит в Кыштым в качестве управляющего Павла Михайловича Карпинского, при котором горный округ пусть ненадолго, но расцветет. Сам же Григорий Васильевич Дружинин этого не застанет – умрет в 1889 году и будет похоронен в Санкт-Петербурге, на Смоленском кладбище...

Закомельские

Среди устроителей Кыштымского горного округа фамилия баронов Меллер-Закомельских стоит особняком. Во-первых, слишком непривычно звучала она на уральских горных просторах. А во-вторых, о них практически ничего неизвестно. Впервые сведения об этом дворянском роде, вошедшем в летопись города, свела воедино в кыштымской «Азбуке» краевед и библиотекарь Л. А. Скороходова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.